

Эрик Фрэнк РАССЕЛ

БУДНИЧНАЯ РАБОТА

В той мере, в какой андромедскую мысль-импульс можно выразить буквами, его звали Хараша Вэнеш. Основой основ его существа было самомнение, тем более опасное, что оно было вполне оправданно. Хараша Вэнеш испытал свои природные дарования на пятидесяти враждебных мирах и оказался непобедимым.

Мозг, наделенный способностью к воображению, - вот величайшее преимущество, которым может обладать живое существо. Это его главная опора, средоточие его силы. Однако для Вэнеша именно сознание противника было наиболее уязвимым местом, брешью в броне, средством его покорения.

Ему было доступно не все. Он не мог воздействовать на сознание тех, кто принадлежал к тому же биологическому виду, что и он сам, и был наделен теми же способностями. Существо без разума он тоже не мог причинить особого вреда - разве что дать ему хорошего пинка. Однако если чуждая форма жизни умела мыслить и обладала воображением, она становилась его добычей.

Вэнеш был гипнотистом самой высшей пробы и работал без осечки. Он воздействовал на мыслящий мозг с любого расстояния и за тысячную долю секунды успевал убедить его в чем угодно: что черное - это белое, что правда - это ложь, что солнце позеленело, а движение на перекрестке регулирует фараон Хеопс. И внушенное им не стиралось, если только он сам не считал нужным его стереть. В какое бы вопиющее противоречие со здравым смыслом это ни вступало, жертва продолжала бы твердить свое, присягать, клясться на Библии или на Коране и в конце концов очутилась бы в психиатрической лечебнице.

Было только одно ограничение, действенное, по-видимому, для любого места в космосе: он не мог принудить живое существо к самоубийству. Тут в дело вступал вселенский инстинкт самосохранения, который не поддавался никакому воздействию.

Впрочем, в запасе у Вэнеша оставалось средство почти столь же действенное. Он мог проделать со своей жертвой то же, что змея проделывает с кроликом: внушить ей, будто она парализована и не в состоянии бежать от верной смерти. Он не мог заставить апполана, обитавшего на планетах Арктура, самого перерезать себе горло, но апполан покорно ждал, чтобы Вэнеш подошел к нему и сделал это собственноручно.

Да, Хараше Вэнешу было за что себя уважать. Обработав пятьдесят миров, можно считать, что пятьдесят первый уже у тебя в кармане. И на Землю он опустился в самом беззаботном настроении. Накануне он произвел разведку с воздуха, вызвав обычные слухи о летающих блюдах, хотя его корабль совсем не напоминал никакую посудину.

Он приземлился среди холмов, никем не замеченный, вышел из корабля, включил автопилот, который должен был вывести корабль на отдаленную орбиту, и спрятал между камней маленький компактный прибор - с его помощью корабль можно вызвать в любую минуту.

Там, в вышине, кораблю ничто не грозило. А если бы земляне и обнаружили его с помощью телескопа, что представлялось весьма маловероятным, то сделать они все равно бы ничего не сумели. Ракетных кораблей у них нет. Так пусть себе смотрят, гадают, что это такое, и терзаются тревогой.

Предварительная разведка не дала ему никаких интересных сведений о внешнем облике и строении высшей формы жизни на планете. Так близко он к ее поверхности не приближался. Впрочем, он намеревался установить, заслуживает ли эта планета внимания и в достаточной ли степени развито

сознание у наиболее разумных из населяющих ее существ. И очень скоро стало ясно, что он наткнулся на весьма лакомый кусочек - на мир, который вполне заслуживает, чтобы андромедские полчища прибрали его к рукам.

Физические возможности будущих рабов в данную минуту существенного интереса не представляли. Хотя различия между Вэнешем и землянами не были такими уж разительными, однако при виде его любой из них завопил бы от ужаса. Но, впрочем, это им не грозило. Таким, как он есть, они его никогда не увидят. В их сознании он мог придать себе какое угодно обличье.

А потому для начала следовало найти наиболее заурядного туземца, который ничем не выделялся бы в толпе ему подобных, создать видеogramму его внешности и запечатлеть ее во всех сознаниях, с которыми ему придется вступать в контакт до тех пор, пока не настанет время сменить один облик на другой.

Процесс общения также не сулил никаких трудностей. Он будет читать вопросы и проецировать ответы, лексическое и грамматическое оформление они обретут в сознании того, с кем он будет общаться. А общаются ли они с помощью звуков, которые издают ртом, или жестикулируя гибкими хвостами, значения не имеет. Подчиненное сознание воспримет его мысль.

Он повернулся и пошел напрямик, туда, где пролежала оживленная дорога, которую он заметил еще во время спуска. На юге небо прочертили несколько примитивных самолетов реактивного типа, и он остановился, одобрительно провожая их взглядом. Главным недостатком пригодных к делу рабов была тупость, которая снижала коэффициент их полезности. Но тут этого опасаться нечего.

Он шел между холмами, вооруженный только крохотным компасом, без которого не сумел бы вернуться к посадочному прибору. Больше он ничего с собой не взял - никакого оружия, ни ножа, ни пистолета. Зачем обременять себя лишней тяжестью? Если ему понадобится орудие уничтожения, первый же подвернувшийся под руку простак-туземец отдаст ему свое и еще спасибо скажет. Только и всего. Он уже десятки раз так делал.

У шоссе стояла небольшая бензозаправочная станция с четырьмя колонками. Спрятавшись в кустах ярдах в пятидесяти от нее, Вэнеш вел наблюдения. Гм-м-м... Двухногие, карикатурно похожие на него, но конечности сгибаются только в одну сторону и волос несравненно больше. Один включал насос, другой сидел в машине. Он не мог создать цельный образ этого последнего, так как видел только его голову и плечи. На первом же была фуражка с лакированным козырьком и металлической бляхой и форменный комбинезон с алой цифрой на кармане.

Он решил, что ни тот, ни другой не подходит для создания мысленной видеogramмы. Один дает для нее слишком мало материала, второй - слишком много. Те, кто носит форму, обычно находятся на службе, имеют строго определенный круг обязанностей и вызовут недоумение, а то и подвергнутся допросу, если окажутся там, где им быть не положено. Лучше выбрать объект, обладающий полной свободой передвижения.

Машина отъехала. Форменная фуражка вытер руки о кусок ветоши и устоялся на шоссе. Вэнеш продолжал наблюдать. Несколько минут спустя к колонке подъехала еще одна машина. Из ее крыши торчала антенна, а внутри сидели двое туземцев, одетых совершенно одинаково: фуражки с козырьками, металлические пуговицы, бляхи. Лица у них были грубые, глаза холодные и безжалостные - несомненно, представители власти. Тоже не подходят, решил Вэнеш. Слишком заметны.

Не подозревая об этом осмотре, один из полицейских спросил заправщика:

- Видел что-нибудь интересное, Джо?

- Ничего такого. Все тихо.

Патрульная машина покатила дальше, а Джо вошел внутрь станции. Вэнеш вытащил из тюбика душистый боб и принялся задумчиво его жевать, ожидая появления новой машины. И так, они разговаривают посредством ротового аппарата, лишены телепатических свойств, мыслят по стандарту - короче говоря, готовые марионетки для любого гипнотиста, который вздумает

подергать их за ниточки.

Тем не менее их автомобили, реактивные самолеты и другие технические игрушки показывали, что туземцев время от времени посещало вдохновение. Согласно андромедской теории, единственной реальной опасностью для гипнотиста было гениальное прозрение, ибо только так иные формы жизни способны обнаружить существование гипнотиста, разобраться в его действиях и расставить ему ловушку.

Это было вполне логично - согласно логике андромедян. Их собственная культура создавалась благодаря отдельным озарениям, которые из века в век добавляли к ней все новые и новые факторы, возникая из ничего каким-то необъяснимым образом. Но озарения происходят спонтанно, сами по себе. Их нельзя искусственно вызвать, какой бы острой ни была потребность в них. А потому тот, у кого не было этой искры, оказывался бессилён, и ему оставалось только покорно ждать своей очереди.

Но скрытая опасность, которую таит в себе всякая чужая культура, заключается в том, что никакой пришелец не в состоянии узнать про нее все, охватить в ней все, разгадать все. Например, кто бы мог предположить, что местные мыслящие существа отличаются интеллектуальной нетерпеливостью? И что из-за этого они никогда не умели сидеть сложа руки и ждать озарений? Вэнеш не знал и даже не мог бы вообразить, что гениальные озарения землянам заменяет скучная, рутинная и, как правило, недооцениваемая работа. Велась она медленно, неуклонно, выматывая и без внешних эффектов, но ее всегда можно было пустить в ход по мере надобности, и она давала результаты.

Называли это по-разному: "тянуть лямку", "бить в одну точку", "искать легких путей" или же попросту "паршивой будничной работой". Ну где еще кто-нибудь об этом слышал?

Во всяком случае, не Вэнеш и его сородичи. А потому он продолжал ждать в своей засаде, пока наконец какой-то серенький, ничем не примечательный индивид не вылез из своей машины и не начал прогуливаться взад-вперед, услужливо предоставляя Вэнешу для копирования все частности своего облика, манеру держаться и одежду. По-видимому, он принадлежал к породе невидных и неслышных особей без глубоких корней, каких можно встретить десятками на любой улице. Вэнеш мысленно сфотографировал его со всех возможных точек, зафиксировал во всех деталях и решил, что больше ждать ему нечего.

Во время спуска Вэнеш заметил, что в пяти милях к северу по шоссе расположено маленькое селение, а в сорока милях от него - большой город, и решил сначала задержаться в селении, набить там руку на туземных обычаях и уж потом отправиться в город. Теперь он мог смело выйти из кустов и принудить свою модель отвезти его туда, куда ему было нужно. Это была соблазнительная мысль, но неразумная. Прежде чем он покинет эту планету, ее обитатели начнут ломать голову над множеством необъяснимых происшествий, и не нужно, чтобы первое из них произошло в непосредственной близости от его стартовой площадки. Форменная фуражка наверняка начнет рассказывать всем и каждому об удивительном случае: его клиент взялся подвезти какого-то человека, а он оказался его двойником. Да и сама модель, возможно, будет жаловаться: "Еду - и все время такое ощущение, будто я в зеркало смотрю". Несколько таких фактов, и гениальное озарение составит из них верную картину ужасной истины.

А потому Вэнеш подождал, чтобы его модель отъехала, а Джо ушел внутрь станции. Тогда он выбрался на шоссе, прошел полмили на север и остановился, повернувшись к югу.

За рулем первого нагнавшего его автомобиля сидел коммивояжер, который никогда, никогда, никогда не подвозил "голосующих". Он наслушался достаточно историй о том, как добросердечных автомобилистов грабили и убивали, и не собирался подставлять голову под кастет. Если вон тот рассчитывает на него, то так и простоит тут с задранной рукой до будущего четверга.

Он остановился и взял Вэнеша в машину, не понимая, что его на это

толкнуло. Он сознавал только, что ни с того ни с сего отступил от своего твердого принципа и согласился подвезти худого, унылого, молчаливого типа, который больше всего смахивал на пожилого гробовщика.

- Далеко едете? - спросил коммивояжер, немного встревоженный своим слабоволием.

- До ближайшего городка, - ответил Вэнеш. Вернее, коммивояжеру почудилось, что он так ответил: он ясно расслышал эти слова и даже на смертном одре поклялся бы, что слышал их. Уловив в его мозгу название городка, Вэнеш спроецировал его обратно, и коммивояжер услышал: - В Нортвуд.

- А где вас там посадить?

- Неважно. Городок маленький. Остановитесь, где вам будет удобнее.

Коммивояжер хмыкнул в знак согласия и больше не заговаривал со своим пассажиром. В Нортвуде он остановил машину.

- Это вам подойдет?

- Спасибо, - сказал Вэнеш, вылезая. - Очень вам благодарен.

- Не за что, - ответил коммивояжер и поехал дальше, не убитый и не ограбленный.

Вэнеш проводил его взглядом и начал знакомиться с Нортвудом.

Городок оказался даже меньше, чем он предполагал. Магазины на длинной главной улице и на двух коротких - боковых. Железнодорожная станция с депо. Четыре небольших промышленных предприятия. Три банка, почта, пожарное депо, два-три муниципальных здания. Вэнеш прикинул, что в Нортвуде живет тысяч пять землян, причем не меньше трети из них работает на окрестных фермах.

Он неторопливо шел по главной улице, и туземцы не обращали на него ни малейшего внимания, хотя сталкивались с ним буквально нос к носу. Но это не щекотало ему нервы: он столько раз находился в подобной же ситуации на других планетах, что давно перестал извлекать из этого удовольствие. Ему было попросту скучно. Тут его увидела собака, испуганно взвыла и бросилась наутек. Никто этого не заметил, и он тоже.

Первый урок он получил внутри магазина. Желая узнать, как туземцы приобретают то, что им требуется, он вошел туда вместе с компанией землян. Оказалось, что они пользуются меновым средством в форме печатных бумажек и металлических дисков. Следовательно, он избавит себя от многих хлопот, если сразу же обзаведется запасом этих бумажек и дисков.

Зайдя затем в переполненный магазин самообслуживания, он быстро разобрался в относительной стоимости денег и составил довольно верное представление об их покупательной способности. Затем он прикарманил небольшую сумму и позаботился сделать это не своими руками. Операция была проще простого.

Стоя в стороне, он сосредоточился на дородной покупательнице, настоящем воплощении добропорядочности. Повинуясь его сигналу, она вытащила кошелек у соседки, рассматривавшей пакеты, вышла из магазина, бросила кошелек на пустыре, даже не заглянув в него, вернулась домой, обдумала случившееся и решила держать язык за зубами.

Улов составил сорок два доллара. Вэнеш их тщательно пересчитал, направился в кафетерий и израсходовал часть их на плотный обед. Ему ничего не стоило пообедать даром, но это значило бы обнаружить себя и дать тот материал, который в миг озарения может быть правильно истолкован. Одни блюда показались ему отвратительными, другие были сносны, но в первый раз ничего другого ждать и не следовало, а дальше он научится выбирать.

Нерешенной оставалась проблема ночлега. Сон ему требовался не меньше, чем низшим формам жизни, и для него нужно было найти место. О том, чтобы всхрапнуть под чистым небом или в каком-нибудь сарае, не могло быть и речи: с какой стати он будет спать на сене, если туземцы нежатся на пуховиках?

Присматриваясь, читая мысли, справляясь у прохожих, он мало-помалу выяснил, что может поселиться в отеле или в меблированных комнатах. Первый вариант его не прельстил: это значило почти все время быть на людях и

перенапрягаться. В отеле будет опасно на время отключиться и стать самим собой, а он нуждается в таком отдыхе.

Вот в собственной комнате, где ему не будет постоянно грозить вторжение горничной, имеющей второй ключ, он сможет вернуться в нормальное состояние, выспаться и спокойно обдумать дальнейшие планы.

Он без особого труда отыскал подходящие меблированные комнаты. Неряшливая толстуха с четырьмя бородавками на багровом лице показала ему его будущий приют и потребовала двенадцать долларов задатку, потому что у него не было багажа. Уплатив, он сообщил ей, что его зовут Уильям Джонс, что он приехал сюда на неделю по делам и не любит, чтобы ему мешали.

В ответ она дала ему понять, что ее заведение - истинная обитель мира для приличных людей, а если какой-нибудь забулдыга вздумает привести к себе девку, он в два счета отсюда вылетит. Он заверил ее, что ему ничего подобного в голову не приходило, и это было чистой правдой, так как нечто подобное могло ему привидеться только в кошмаре. Удовлетворенная его заверениями, она удалилась.

Вэнеш присел на край кровати и начал обдумывать свое положение. Конечно, ему ничего не стоило рассчитаться с ней полностью, не уплатив при этом ни единого цента. Она ушла бы, глубоко убежденная, что получила с него все, что ей причитается. Но двенадцати долларов у нее все равно не хватило бы, и их таинственная пропажа не могла бы ее не озадачить. И если он останется тут, значит, ему пришлось бы снова и снова ее обманывать, и в конце концов только клинический идиот не заметил бы, что ее убытки точно соответствуют сумме, которую она должна получать с него.

Можно было заплатить и из чужого кармана, а через неделю переехать и повторить все на новом месте. Но такой способ имел свои теневые стороны. Если это станет известно, мошенника начнут разыскивать, и ему придется сменить личность.

Ни кражи, ни смена личности его не смущали - при условии, что в них существует реальная необходимость. Но он не любил размениваться по мелочам. Это его раздражало. Идти на поводу у второстепенных обстоятельств - значило принимать условия игры, навязываемые ему туземцами, а это оскорбляло его самолюбие.

Тем не менее он не мог не признать неизбежного вывода: на этой планете, чтобы действовать без неприятных осложнений, нужны деньги. Следовательно, он должен либо раздобыть достаточный запас реальных денег, либо постоянно создавать иллюзию, будто они у него есть. Для того, чтобы решить, что проще, особого ума не требовалось.

На других планетах жизненные формы оказывались такими медлительными и тупыми, а их цивилизации - такими примитивными, что для достаточно точной оценки их как будущих противников, а затем рабов много времени не требовалось. Здесь же положение было гораздо сложнее, нужна длительная, тщательная разведка. Судя по всему, ему предстоит провести тут довольно много времени. А потому нужно раздобыть денег в количестве, заметно большем, чем суммы, которые обычно носят при себе отдельные индивиды.

На следующий день он занялся тем, что проследил движение денег до обильного их источника. Обнаружив этот источник, он начал тщательно его изучать. Говоря на жаргоне преступного мира, он примеривался к банку.

Человек, который, переваливаясь, шел по коридору, весил центнера полтора, о чем свидетельствовали двойной подбородок и внушительный живот. На первый взгляд - просто неуклюжий толстяк. Но первое впечатление бывает обманчиво. Таким телосложением, например, обладал не один чемпион мира по классической борьбе в тяжелом весе. Эдвард Райдер, правда, чемпионом не был, но при случае мог расшвырять десяток нападающих в таком стиле, что окажись там случайно владелец спортивного зала, он предложил бы Эдварду ангажемент.

Он остановился перед дверью из матового стекла и надписью: "Следственный отдел министерства финансов США". Постучав по стеклу тяжелым

кулаком, он вошел и, не дожидаясь ответа, сел без приглашения.

Остролицый субъект, сидевший за большим письменным столом, выразил легкое неудовольствие, но сказал только:

- Эдди, у меня есть для вас довольно паршивое дельце.

- Другого от вас и не дождешься! - Райдер уперся большими руками в большие колени. - И что на этот раз? Еще один незарегистрированный гравер наводнил рынок своими изделиями?

- Нет. Ограбление банка.

Райдер нахмурился. Его густые брови задергались.

- А я думал, что нас интересуют только фальшивые деньги и незаконные валютные операции. Какое нам дело до медвежатников? Ими, по-моему, занимается полиция.

- Они увязли.

- Если банк застрахован, они могут обратиться в ФБР.

- Он не застрахован. Мы протянули им руку помощи. Вашу руку.

- С какой, собственно, стати?

Его собеседник сделал глубокий вдох и принялся быстро объяснять:

- Какой-то ловкач нагрел Первый нортвудский банк на двенадцать тысяч долларов - и никто не знает как. Начальник нортвудской полиции капитан Гаррисон утверждает, что тут сам черт ногу сломит. По его словам выходит, что кому-то, в конце концов, удалось разработать методику нераскрываемого преступления.

- Ясно, он другого не скажет, если оказался в тупике. Ну, а нас зачем приплели?

- В ходе следствия Гаррисон обнаружил, что в одной из похищенных пачек было сорок стодолларовых бумажек с последовательными номерами. Эти номера известны. Остальные - нет. Он позвонил нам в надежде, что грабитель начнет ими расплачиваться и мы сможем их проследить. С ним разговаривал Эмблтон, и его заинтересовала идея нераскрываемого преступления.

- Ну, и...

- Он посоветовался со мной, и мы оба согласились, что если кто-то и правда научился шить без нитки, для экономики он окажется опаснее, чем крупный фальшивомонетчик.

- Ах, так... - с сомнением протянул Райдер.

- Тогда я посоветовался в верхах. И Баллантайн решил, что нам имеет смысл вмешаться - на всякий случай. Я выбрал вас. Человеку с вашим весом полезно поразмяться. - Он пододвинул к себе папку и взял ручку. - Поезжайте в Нортвуд и подсобите капитану Гаррисону.

- Сегодня я обещал пестовать младенца.

- Не говорите глупости. Это очень серьезно.

- Я дал жене честное слово, что я...

- А я дал слово Баллантайну и Гаррисону, что вы разберетесь в этом деле, - нахмурился, перебил начальник. - Хотите сохранить свою работу или нет? Ну так позвоните жене и скажите ей, что служебный долг - прежде всего.

- А, ладно! - Райдер вышел, хлопнув дверью, свирепо протопал по коридору, вошел в телефонную будку и двадцать две минуты объяснял жене про служебный долг.

Высокий, сухопарый начальник нортвудской полиции Гаррисон был сыт этим делом по горло. Он сказал:

- Зачем я буду вам все это рассказывать? Свидетельские показания лучше сведений, полученных из вторых рук. А у меня тут ждет очевидец. Я послал за ним, когда узнал, что вы едете. - Он нажал кнопку селектора. - Пошлите ко мне Эшкрофта.

- А кто он такой?

- Старший кассир Первого банка, довольно-таки перепуганная личность.

- И, обращаясь к вошедшему свидетелю, он пояснил: - Это мистер Райдер, следователь по особо важным делам. Он хотел бы выслушать вашу историю.

Эшкрофт сел, устало потирая лоб. Седой, подтянутый, элегантно одетый человек лет шестидесяти. Райдер мысленно отнес его к тому типу педантичных, немного брюзгливых, но в целом надежных людей, которых принято называть столпами общества.

- Я уже рассказывал ее не меньше двадцати раз, - пожаловался Эшкрофт.
- И с каждым разом она выглядит все более нелепо. У меня голова кругом идет. Я не в состоянии найти мало-мальски правдоподобного...

- Не волнуйтесь, - мягко сказал Рейдер. - Просто изложите мне факты, которые вам известны.

- Каждую неделю мы выплачиваем фабрике стеклянной посуды компании "Дакин" что-то между десятью и пятнадцатью тысячами долларов - общую сумму заработной платы ее рабочих и служащих. Накануне фабрика присылает нам распоряжение о выплате с точным указанием суммы и купюр, в которых она хочет ее получить. И к следующему утру у нас все бывает готово.

- А утром?

- С фабрики приезжает кассир с двумя охранниками. Приезжает он всегда около одиннадцати. Не раньше чем без десяти одиннадцать и не позже чем в десять минут двенадцатого.

- Вы знаете его в лицо?

- У них два кассира, мистер Суэйн и мистер Летерен. За деньгами приезжает иногда тот, иногда другой. Попеременно. То один уходит в отпуск, то заболевает, то занят на фабрике - тогда его подменяет другой. Я хорошо знаю их обоих уже несколько лет.

- Хорошо, продолжайте.

- Кассир привозит с собой запертый кожаный чемоданчик и ключ от него. Он отпирает чемоданчик и отдает его мне. Я кладу деньги в чемоданчик так, что он их считает, и возвращаю его вместе с квитанцией. Он запирает чемоданчик, кладет ключ в карман, расписывается в квитанции и уходит. Я подшиваю квитанцию, на чем все дело и кончается.

- Это небрежность, - заметил Райдер, - когда чемоданчик и ключ находятся у одного человека.

Ему ответил Гаррисон:

- Мы это проверяли. Ключ находится у охранника. Он отдает его кассиру, когда они приезжают в банк, и забирает обратно после того, как кассир получит деньги.

Проведя языком по пересохшим губам, Эшкрофт продолжал:

- В прошлую пятницу мы приготовили для фабрики двенадцать тысяч сто восемьдесят два доллара. В зал вошел мистер Летерен с чемоданчиком. Ровно в половине одиннадцатого.

- Откуда вы это знаете? - перебил Райдер. - Вы посмотрели на часы? Почему?

- Я посмотрел на часы потому, что немного удивился. Он приехал раньше обычного. Я ждал его только минут через двадцать.

- И было половина одиннадцатого? Вы уверены?

- Абсолютно уверен, - ответил Эшкрофт так, словно это было единственное, в чем он не сомневался. - Мистер Летерен подошел к барьеру и протянул мне чемоданчик. Я поздоровался с ним и сказал, что сегодня он что-то рано к нам выбрался.

- И что он ответил?

- Точных слов я не помню. У меня не было причин запоминать его ответ, а к тому же я в тот момент укладывал деньги в чемоданчик. - Эшкрофт сдвинул брови, напрягая память. - Он сказал что-то банальное - что лучше прийти рано, чем опоздать.

- Что было дальше?

- Я отдал ему чемоданчик и квитанцию. Он запер чемоданчик, расписался и вышел.

- И все? - спросил Райдер.

- Если бы! - ответил Гаррисон и подбадривающе кивнул Эшкрофту. - Ну-ка расскажите ему остальное.

- Без пяти одиннадцать, - продолжал кассир, растерянно глядя перед

собой, - мистер Летерен вернулся, положил чемоданчик на барьер и вопросительно посмотрел на меня. Поэтому я спросил: "Что-нибудь случилось, мистер Летерен?" А он ответил: "Насколько мне известно, нет. А что?"

Эшкрофт смолк и снова потер лоб. Райдер сказал:

- Не торопитесь. Мне нужно, чтобы вы изложили все как можно подробнее и точнее.

Эшкрофт взял себя в руки.

- Я ответил, что все должно быть в порядке, так как деньги пересчитывались трижды. Тогда он с некоторым нетерпением заявил, что это его не интересует: пусть их пересчитывали хоть пятьдесят раз, но не могли я поторопиться, потому что его ждут на фабрике.

- И это вас слегка ошарашило? - предположил Райдер с угрюмой улыбкой.

- Я совершенно растерялся. Мне показалось, что он шутит, хотя он не производит впечатления человека, находящего удовольствие в глупых розыгрышах. Я сказал, что уже отдал ему деньги полчаса назад. Он спросил, не свихнулся ли я. Тогда я позвал Джексона, младшего кассира, и он подтвердил мои слова. Он видел, как я укладывал деньги в чемоданчик.

- А он видел, как Летерен их унес?

- Да. И сразу об этом сказал.

- И что же ответил Летерен?

- Он сказал, что хочет видеть управляющего. Я проводил его к мистеру Олсену. Через минуту мистер Олсен позвонил, чтобы я принес ему квитанцию. Я вынул ее из папки и обнаружил, что на ней нет никакой подписи.

- Совсем никакой?

- Да. Я ничего не мог понять. Я же своими глазами видел, как он расписывался на этой квитанции. И все-таки в этой строке ничего не было. Ни малейшей черточки. - Он расстроено помолчал и закончил: - Мистер Летерен потребовал, чтобы мистер Олсен кончил меня расспрашивать и вызвал полицию. Я оставался в кабинете управляющего до прибытия мистера Гаррисона.

Райдер, подумав, спросил:

- А Летерена оба раза сопровождали одни и те же охранники?

- Не знаю. Я их вообще не видел.

- То есть вы хотите сказать, что он был без охраны?

- Они не всегда входят в зал, - ответил за кассира Гаррисон. - Я проверял и перепроверял, пока не зашел в тупик.

- И что же вы узнали по дороге туда?

- Охранники сознательно меняют свое поведение так, чтобы тот, кто задумал ограбление, не знал, где они будут находиться в ту или иную поездку. Иногда они оба сопровождают кассира до барьера и назад. Иногда они ждут у входа и наблюдают за улицей. Или же один остается в машине, а другой расхаживает перед банком...

- Я полагаю, они вооружены?

- Конечно. - Гаррисон посмотрел на Райдера с легкой усмешкой. - Оба охранника клянутся, что в прошлую пятницу они сопровождали Летерена в банк один раз. И приехали туда без пяти минут одиннадцать.

- Но ведь он был в банке в половине одиннадцатого! - возразил Эшкрофт.

- Он это отрицает, - сказал Гаррисон. - И охранники тоже.

- По словам охранников, они вошли в банк? - спросил Райдер, выискивая дополнительные противоречия.

- Не сразу. Они ждали у входа, пока длительное отсутствие Летерена их не встревожило. Они вошли в зал, держа руки на пистолетах. Но Эшкрофт их увидеть не мог, так как он уже был в кабинете Олсена.

- Ну, вы сами видите, как обстоит дело, - сказал Райдер, внимательно глядя на злополучного Эшкрофта. - Вы утверждаете, что Летерен получил деньги в половине одиннадцатого. Он утверждает, что не получал их. Одно исключает другое. У вас есть какие-нибудь объяснения?

- Вы мне не верите, ведь так?

- Почему же? Я пока не делаю выводов. Мы столкнулись с

противоречивыми показаниями. Но отсюда вовсе не следует, что один из свидетелей сознательно лжет и что именно в нем следует заподозрить преступника. Кто-то из них может говорить, как ему кажется, совершенную правду - и искренне заблуждаться.

- Вы имеете в виду меня?

- Не исключено. Вы ведь не непогрешимы. Непогрешимых людей не бывает.

- Райдер наклонился вперед, придавая особый смысл своим словам. - Будем считать, что факты верны. Если вы сказали правду, значит, деньги были взяты в половине одиннадцатого. Если Летерен сказал правду, значит, он их не брал. Соединим эти факты, и что же мы получим? Ответ: деньги унес кто-то, кто не был Летереном. И если это окажется так, значит, вас ввели в заблуждение.

- Нет! Я не обознался, - возразил Эшкрофт. - Я знаю, кого я видел. Я видел Летерена и только его. Или я должен допустить, что не могу доверять собственным глазам!

- Вы ведь это уже допустили, - заметил Райдер.

- Ничего подобного.

- Вы сказали нам, что смотрели, как он подписывает квитанцию. Вы собственными глазами видели, как он ставил свою подпись. - Райдер сделал выжидательную паузу, но кассир не сказал ни слова. - Однако никакой подписи на квитанции не оказалось.

Эшкрофт угрюмо молчал.

- Если вы могли заблуждаться относительно подписи, то вы могли заблуждаться и относительно того, кто подписывал.

- Я не страдаю галлюцинациями.

- Да? - сухо сказал Райдер. - Ну, а квитанция, как вы это объясните?

- Я ничего не обязан объяснять, - внезапно вспыхнул Эшкрофт. - Я изложил вам факты. А объяснить их - ваше дело.

- Справедливо, - согласился Райдер. - И мы не обижаемся, когда нам об этом напоминают. Надеюсь, вы не обидитесь, что вас так долго расспрашивали об одном и том же? Спасибо, что вы согласились прийти.

- Рад быть полезным, - и Эшкрофт с видимым облегчением вышел из комнаты.

Гаррисон сунул в рот зубочистку, пожевал ее и объявил:

- Не дело, а черт знает что. Еще день-другой, и вы пожалеете, что вас прислали сюда учить меня уму-разуму.

Задумчиво разглядывая начальника полиции, Райдер процедил:

- Я приехал не для того, чтобы учить вас, а чтобы помочь вам, так как вы заявили, что вам нужна помощь. Ум хорошо, а два - лучше. Сто умов лучше десяти. Но если вы предпочтете, чтобы я отправился восвояси...

- Ерунда, - сказал Гаррисон. - В такие моменты я на всех огрызаюсь. Мое положение не похоже на ваше. Если кто-то грабит банк у меня под носом, он делает из меня идиота. А вам понравилось бы быть и начальником полиции и идиотом?

- Последнее определение я принял бы только, если признал, что потерпел полное поражение. Вы и это признаете?

- И не думаю.

- Так хватит кусаться. Нам есть над чем подумать. В этой истории с квитанцией кроется что-то очень странное. Ни с чем не сообразное.

- По-моему, все ясно, как день, - возразил Гаррисон. - Либо Эшкрофт был обманут, либо обманул сам.

- Не в этом дело, - сказал Райдер. - Непонятно другое. Если считать, что они с Летереном оба говорят правду, то деньги забрал кто-то еще, какой-то неизвестный. И я не могу понять, зачем было преступнику отдавать квитанцию неподписанной с риском, что его тут же разоблачат? Не проще ли ему было расписаться за Летерена? Так почему же он этого не сделал?

Гаррисон задумался.

- Может быть, он боялся - а вдруг Эшкрофт заметит, что подпись подделана, взглянется в него повнимательнее и поднимет тревогу?

- Если он сумел выдать себя за Летерена, то, наверное, мог бы

научиться подделывать его подпись.

- Ну, а если он не подписался, потому что неграмотен? - предположил Гаррисон. - Я знавал бандитов, которые научились писать только за решеткой.

- Может быть, - согласился Райдер. - Но в любом случае главное подозрение пока падает на Эшкрофта и Летерена. И следует точно установить, виновны они или нет, прежде чем мы начнем дальнейшие розыски. Я думаю, вы обоих уже проверили?

- Еще бы! - воскликнул Гаррисон и скомандовал в селектор: - Пришлите мне папку по Первому банку. - Начнем с Эшкрофта. Финансовое положение хорошее, в прошлом все чисто, превосходная репутация, никаких оснований стать банковским грабителем. Джексон, младший кассир, в какой-то мере подтверждает его показания. И спрятать деньги Эшкрофт нигде не мог. Мы обыскали банк сверху донизу, и в течение этого времени Эшкрофт все время был под наблюдением. И ничего не нашли. Дальнейшее следствие выявило ряд обстоятельств, говорящих в его пользу... Подробности я расскажу вам позднее.

- Вы убеждены в его невиновности?

- Почти, но не совсем, - ответил Гаррисон. - Он мог отдать деньги сообщнику, загроможденному под Летерена. В таком случае в банке их прятать бы не пришлось. Эх, если бы обыскать его дом как следует! Одна бумажка с известным номером сразу все поставила бы на свое место! Но судья Мексон отказался подписать ордер на обыск за недостаточностью оснований. Сказал, что для этого требуются более веские подозрения. Вообще-то говоря, он прав.

- А фабричный кассир Летерен?

- Ему пятьдесят восемь лет. Убежденный холостяк. Не стану пересказывать вам его биографию. Ведь он не может быть виновным.

- Вы уверены?

- Судите сами. Фабричная машина стояла перед конторой все утро до десяти часов тридцати пяти минут. Затем в нее сели Летерен и охранники, чтобы ехать в банк. Раньше чем за двадцать минут они добраться до банка не могли. У Летерена просто не было времени, чтобы заехать в банк раньше на каком-то другом автомобиле, вернуться на фабрику, взять охранников и снова туда отправиться.

- Не говоря уж о необходимости успеть в промежутке где-то спрятать добычу, - вставил Райдер.

- Нет, сделать этого он не мог. Кроме того, сорок свидетелей на фабрике подтверждают, что Летерен был там все время с той минуты, как пришел на работу в девять; и до десяти тридцати пяти, пока он не уехал в банк. Полное алиби. По-видимому, его сразу можно сбросить со счетов. - Гаррисон скривил губу и добавил: - С тех пор мы нашли свидетелей, которые видели, как в десять тридцать он входил в банк.

- Другими словами, они подтверждают показания Эшкрофта и Джексона?

- Да. Я сразу же послал всех своих людей прочесать улицу до конца и ближайшую поперечную улицу. Ну, обычная паршивая будничная работа. Они разыскали троих свидетелей, готовых показать под присягой, что видели, как Летерен входил в банк в десять тридцать. Они его не знают, но опознали по фотографии.

- А его машину они заметили? Описали ее?

- Машину они не видели. Он шел пешком, неся чемоданчик. И заметили они его только потому, что какая-то дворняжка вдруг взвыла и бросилась от него со всех ног. Ну, они и подумали, что он ее пнул, только не поняли - за что.

- Они утверждали, что он ее пнул?

- Нет.

Райдер задумчиво потер оба своих подбородка.

- Так чего же она взвыла и удрала? Просто так собаки этого не делают. Либо ее ударили, либо она чего-то испугалась.

- Ну и что? - Гаррисону было не до дворняжек. - Еще ребята разыскали

человека, который говорит, что видел, как Летерен несколько минут спустя выходил из банка с чемоданчиком. Никаких охранников этот человек не заметил. Он говорит, что Летерен пошел по улице так, словно ни о чем не беспокоился, но потом остановил такси и уехал.

- Вы нашли шофера?

- Да. Он тоже узнал его по фотографии, которую мы ему показали.

Заявил, что отвез Летерена к кинотеатру "Камея" на Четвертой улице, но не видел, вошел он туда или нет. Просто высадил его, получил деньги и уехал. Мы допросили служащих "Камеи", обыскали там все. И ничего не нашли. Но рядом - автобусная станция. Мы вымотали там у них все жилы, но ничего не узнали.

- И это пока все?

- Не совсем. Я позвонил в министерство финансов и сообщил им номера банкнот. В восьми штатах я объявил розыск человека с приметами Летерена. Пока мы разговариваем, мои ребята с его фото прочесывают все отели и мебелишки. Он где-то притаился - возможно, у нас же в городе. Но что еще предпринять, я не знаю.

Райдер заметил:

- Превосходная репутация, финансовое благосостояние и отсутствие явного мотива - все это стоит куда меньше свидетельских показаний. У человека могут быть тайные причины. Например, ему почему-то необходимо немедленно достать двенадцать тысяч долларов, а времени получить их законным путем под страховку, акции или облигации у него нет. Скажем, ему дано только двадцать четыре часа, чтобы раздобыть выкуп.

Гаррисон спросил:

- Вы считаете, нам следует проверить, все ли родственники Эшкрофта и Летерена живы и здоровы и не исчезал ли кто-нибудь из них в последние дни?

- Как сочтете нужным. Сам я считаю, что ничего, кроме лишних хлопот, это не даст. Похититель знает, что ему грозит смертная казнь. Так станет ли он рисковать из-за каких-то жалких двенадцати тысяч, когда может с тем же успехом выбрать жертву побогаче и назначить выкуп побольше? К тому же, даже если проверка принесет положительные результаты, это не объяснит, как был осуществлен грабеж, и не даст нам доказательств, которые суд и присяжные могли бы счесть убедительными.

- Пожалуй, - согласился Гаррисон. - Тем не менее проверка не помешает. Мне самому ничего и делать не придется. Если не считать жены Эшкрофта, все их родственники живут в других городах. Надо будет просто связаться с тамошней полицией.

- Как хотите. И раз уж мы принялись шарить впотьмах, так поручите кому-нибудь узнать, нет ли у Летерена на заднем плане бездельника-брatца, способного извлечь выгоду из их сходства. А вдруг Летерен - многострадальная половина пары близнецов-двойников?

- В этом случае, - проворчал Гаррисон, - он стал его сообщником с той минуты, как утаил от нас существование такого брата.

- С юридической точки зрения, конечно. Но ведь можно взглянуть на дело и по-человечески. Человек, который боится позора, сам на него напрашиваться не станет. Будь у вас брат - матерый рецидивист, стали бы вы разглашать это?

- Просто так - нет. В интересах правосудия - да.

- Люди же не одинаковы. И слава богу, что так! - Райдер нетерпеливо пожал плечами. - Ну с теми, на кого прямо падает подозрение, мы покончили. Посмотрим, что можно сказать о третьем и неизвестном.

- Я уже говорил вам, что объявил розыск человека с приметами Летерена, - ответил Гаррисон.

- Да, я помню. По-вашему, это может что-то дать?

- Трудно сказать. Возможно, он мастер переодевания. В этом случае сейчас он уже совсем не похож на того человека, которого видели свидетели. Если же сходство это - настоящее, большое и не поддающееся маскировке, розыск скорее всего даст результаты.

- Пожалуй. Однако если речь идет не о кровном родстве - а этот

вариант вы все равно проверяете, - то сходство скорее всего искусственное. Слишком уж велико было бы совпадение. Будем исходить из того, что оно искусственное. Какие мы можем сделать из этого выводы?

- Оно было слишком уж большим, - заметил Гаррисон. - Настолько большим, что обмануло нескольких свидетелей. Таким большим, что становится немного не по себе.

- Вот именно, - подхватил Райдер. - И ведь столь одаренный художник своего дела сможет повторить то же самое снова и снова, подыскивая подходящую жертву примерно одного с собой сложения. Следовательно, сходство между ним и Летереном может быть не больше, чем между мной и цирковым тюленем. У нас нет его настоящих примет, и это серьезная помеха. И пока мне не приходит в голову, как мы могли бы установить его подлинный облик.

- Мне тоже, - сказал Гаррисон уныло.

- Впрочем, у нас есть еще шанс: десять против одного, что сейчас он выглядит так, как раньше - до своего трюка. Ему незачем было прибегать к маскарade, пока он проводил примерку и разрабатывал свой план. Грабеж прошел гладко, как по расписанию, и, значит, все до последней мелочи было предусмотрено заранее. А такого рода работа требует долгих предварительных наблюдений. Он не мог за один раз выяснить, каков порядок получения денег, и запомнить наружность Летерена. Разве что он чтец мыслей на расстоянии.

- Я в это не верю, - объявил Гаррисон. - Как в астрологов и ясновидящих.

Не слушая, Райдер продолжал:

- Следовательно, некоторое время до грабежа он жил в городе или в его окрестностях. Довольно много людей должны были его постоянно видеть и могли бы его описать. Ваши ребята, бегая по пивным с фотографиями, его не найдут, потому что он не похож на эту фотографию. Нам нужно установить, где он жил, и узнать, как он выглядит.

- Легче сказать, чем сделать!

- Вариант не из простых, но возьмемся за него. В конце концов мы чего-нибудь добьемся - хотя бы места в сумасшедшем доме... - Он умолк и задумался.

Гаррисон сосредоточенно уставился в потолок. Не подозревая об этом, оба прибегли к обычной для Земли замене гениального прозрения, которое случается так редко! Два раза Райдер открывал рот, словно собирался что-то сказать, но тут же снова его закрывал и опять погружался в размышления. Наконец он все-таки сказал:

- Чтобы с такой уверенностью выдавать себя за Летерена, он ведь должен был не только придать себе внешнее сходство с ним, но и одеться точно так же, ходить той же походкой, вести себя точно так же, пахнуть так же...

- Он ничем не отличался от Летерена, - ответил Гаррисон. - Я допрашивал Эшкрофта, пока нам обоим не стало тошно. У него все было как у Летерена, вплоть до ботинок.

- А чемоданчик? - спросил Райдер.

- Чемоданчик? - на худом лице Гаррисона мелькнуло недоумение, тотчас сменившееся злостью на себя. - Тут вы меня поймали. Про чемоданчик-то я и не спросил. Тут я дал маху.

- Не обязательно. Возможно, и он тот же самый, но лучше бы проверить.

- Сейчас и проверим. - Гаррисон взял телефонную трубку, набрал номер и сказал: - Мистер Эшкрофт, у меня к вам есть еще один вопрос. Чемоданчик, в который вы укладывали деньги, он был тот же, с которым всегда приезжали кассиры с фабрики?

Райдер тотчас услышал решительный ответ:

- Нет, мистер Гаррисон, это был новый чемоданчик.

- Что?! - взревел Гаррисон, багровея. - Почему же вы раньше молчали?

- Вы меня не спросили, вот я и не вспомнил. Но если бы и сам вспомнил, то не увидел в этом никакой важности.

- Послушайте, решать, что важно, а что - нет, это моя обязанность, а

не ваша. - Он бросил на Райдера мученический взгляд и продолжал раздраженно: - Так давайте выясним все раз и навсегда. Если не считать его новизны, чемоданчик был точно таким же, как тот, с которым приезжали кассиры?

- Нет, сэр. Но очень похожим. Такая же форма, такой же латунный замок, почти такие же размеры. Но он был чуть длиннее и на дюйм глубже. Я помню, что, укладывая деньги, удивился, зачем им понадобилось покупать второй чемоданчик, но потом решил, что они хотят, чтобы мистер Летерен и мистер Суэйн ездили каждый со своим чемоданчиком.

- А вы не заметили какого-нибудь отличительного признака? Ярлычок с ценой, марка фирмы, инициалы или еще что-нибудь?

- Ничего. Я ведь не смотрел специально. Не предвидя дальнейшего, я не мог...

Голос Эшкрофта оборвался на середине фразы, так как Гаррисон раздраженно швырнул трубку на рычаг. Он уставился на Райдера, который ничего не сказал.

- К вашему сведению, - заявил Гаррисон, - я пришел к выводу, что профессия уборщика общественных туалетов имеет множество преимуществ, и бывают времена, когда я испытываю большое искушение... - Он задохнулся и включил селектор.

- Есть там кто-нибудь свободный?

- Кастнер, шеф.

- Ну так пошлите его сюда.

Вошел сыщик Кастнер. Он был одет весьма элегантно и явно умел ориентироваться в пучине порока.

- Джим! - распорядился Гаррисон. - Слетайте-ка на стекольную фабрику и возьмите чемоданчик кассира. Только убедитесь, что это тот, который они берут с собой в банк. Побывайте с ним во всех галантерейных магазинах города и установите, кому и когда за последний месяц были проданы такие же чемоданчики. Если отыщете покупателя, то пусть он предъявит вам свой чемоданчик и скажет, где он был и что делал в половине одиннадцатого в прошлую пятницу.

- Будет сделано, шеф.

- Звоните мне, как только что-нибудь выясните.

После ухода Кастнера Гаррисон сказал:

- Чемоданчик был куплен специально для этого ограбления.

Следовательно, приобретен он скорее всего недавно и, вероятно, у нас в городе. Если в городских магазинах ничего выяснить не удастся, займемся соседними городами.

- Вы займитесь этим, - согласился Райдер, - а я тем временем тоже кое-что предприму.

- А что именно?

- Мы ведь живем в век науки и передовой техники. Мы располагаем широко развитыми и отлично действующими средствами связи, а также действенными системами сбора и хранения информации. Так воспользуемся тем, что у нас есть.

- Что вы задумали? - заинтересовался Гаррисон.

- Такой ловкий и легкий грабеж просто напрашивается на повторение. Не исключено, что преступник уже не раз пользовался своим способом и уж, во всяком случае, этим банком он не ограничится.

- Ну, и...

- У нас есть описание его внешности, хотя вряд ли это нам много даст.

Но, - Райдер подался вперед, - мы знаем его методы, и исходя из них мы можем...

- Да, верно.

- А потому сведем описание его личности к особенностям, замаскировать которые трудно, - к таким, как рост, вес, тип фигуры, цвет глаз. Остальное можно отбросить. И сжато его метод, указывая только факты. Все это мы можем уложить слов в пятьсот.

- А потом?

- В нашей стране имеется шесть тысяч двести восемь банков, из них шесть тысяч с лишним входят в Банковскую ассоциацию. Наш департамент снабдит Ассоциацию циркулярным письмом в количестве экземпляров, достаточном, чтобы разослать его всем ее членам. Они будут предупреждены о возможности грабежа, а если он все-таки повторится или что-то подобное уже имело место, мы сразу узнаем об этом во всех подробностях.

- Хорошая мысль! - одобрил Гаррисон. - Возможно, где-то начальник полиции ломает голову над двумя-тремя данными, которых не хватает нам, а мы в свою очередь могли бы сообщить ему кое-что интересное. И обмен сведениями даст и нам и ему все, что нужно для поимки преступника.

- Не исключено, что нам удастся значительно упростить процедуру, - сказал Райдер. - При условии, что мы имеем дело с рецидивистом. Если же нет, тогда ничего не выйдет. Но если он был прежде арестован за что-нибудь подобное, мы найдем его карточку в один момент. - Мечтательно посмотрев в потолок, он добавил: - Вашингтонская картотека - это кое-что!

- Конечно, я про нее знаю, - сказал Гаррисон, - но видеть не видел.

- Одному моему приятелю, почтовому инспектору, она недавно сослужила неплохую службу. Он разыскивал типа, который продавал по почте фальшивые нефтяные акции. Он обморочил уже пятьдесят простаков с помощью отлично сработанных документов - заключения геологической разведки, лицензии и так далее. Никто из пострадавших его никогда не видел и потому не мог описать.

- Маловато для следствия!

- Конечно, но и этого хватило. Попытки почтовых властей расставить ему ловушку потерпели неудачу. Он был большой ловкач, а это уже само по себе улика. Несомненно, такой искушенный мошенник не мог не значиться в картотеке.

- И что было дальше?

- Его данные закодировали и вложили в скоростной экстрактор. Ну, словно дали ищейке понюхать платок. Вы и высморкаться бы не успели, как электронные пальцы уже ощупали сотни тысяч перфорированных карточек. Не тронув профессиональных убийц, грабителей и взломщиков разных категорий, они выбрали примерно четыре тысячи мошенников. Из них они отсортировали, скажем, шестьсот аферистов, специализирующихся на всучении несуществующих ценных бумаг. А из этих отобрали сотню оперирующих нефтяными псевдоакциями, после чего выделили тех двенадцать, кто ограничивал свою деятельность почтовыми отправлениями.

- Да, это заметно сузило район поиска, - согласился Гаррисон.

- Машина выбросила двенадцать карточек, - продолжал Райдер. - Будь данных больше, она бы сразу выдала одну-единственную карточку. А так их оказалось двенадцать. Впрочем, никакого значения это уже не имело. Быстрая проверка установила, что из этих двенадцати четверо уже умерло, а шестеро сидело за решеткой. Из оставшихся двух одного сразу нашли, и было точно установлено, что он тут ни при чем. Итак, остался только один. Почтовые власти теперь располагали его фамилией, фотографией, отпечатками пальцев, сведениями о его привычках, связях и обо всем прочем, кроме разве что брачного свидетельства его мамы. Он был арестован через три недели.

- Неплохо. Но я не понимаю, почему они сохраняют в картотеке карточки тех, кто умер.

- Иногда новые данные позволяют установить, что давние преступления, оставшиеся нераскрытыми, - это дело их рук. А рабы картотек терпеть не могут незаконченных дел. Они готовы ждать хоть полжизни, лишь бы пометить их как закрытые. Обожают аккуратность, понимаете?

- Понимаю, - задумчиво ответил Гаррисон. - Казалось бы, преступник, попавший в картотеку, мог сообразить, что теперь следует начать честную жизнь или хотя бы изменить методы.

- Нет, они всегда повторяются. Попадают в колею и уже не могут из нее выбраться. Мне еще не приходилось слышать, чтобы фальшивомонетчик пошел в наемные убийцы или стал красть велосипеды. И наш молодец снова проделает тот же трюк и практически теми же методами. Вот увидите! - Он кивнул в сторону телефона. - Не возражаете, если я закажу парочку междугородных

разговоров?

- Сколько хотите. Я их не оплачиваю.

- Ну, в таком случае я закажу и третий. Желушка имеет право на то, чтобы о ней вспоминали.

- Валийте! - Гаррисон встал и направился к двери, всем своим видом выражая глубочайшее отвращение. - А я поработаю где-нибудь еще. Меня всегда мутит, когда взрослый мужчина начинает ворковать и сюсюкать.

Посмеиваясь, Райдер взял телефонную трубку:

- Соедините меня с министерством финансов, Вашингтон, добавочный 417, мистер О'Киф.

Следующие двадцать четыре часа земные методы продолжали применяться с тем же утомительным упорством. Полицейские задавали вопросы владельцам магазинов, местным сплетницам, барменам, бывшим уголовникам, тайным осведомителям - короче говоря, всем тем, кто мог случайно что-то знать или что-то услышать. Сыщики в штатском стучали в двери, допрашивали тех, кто им отвечал, наводили справки о тех, кто отвечать отказался. Дорожная полиция проверяла мотели и кемпинги, допрашивала владельцев, управляющих, помощников. Шерифы объезжали фермы, где иногда сдавались комнаты.

В Вашингтоне одна машина выбросила шесть тысяч экземпляров циркулярного письма, а неподалеку другая машина печатала адреса на шести тысячах конвертов. Рядом с ней электронные пальцы, прощупывая миллионы перфорированных карточек, отыскивали специфическое расположение отверстий. В десятке больших и маленьких городов полицейские навели справки о некоторых людях, сообщили то, что узнали, по телефону в Нортвуд и занялись текущими делами.

Как обычно, прежде всего была получена стопка отрицательных ответов. Все родственники Эшкрофта были целы и невредимы, и никто из них в последнее время не исчезал из дому. В семье Летерена не имелось ни одной черной овцы, брата-близнеца у него не было, а единственный брат, моложе его на десять лет и не особенно на него похожий, обладал безупречной репутацией, да и все утро пятницы провел у себя в конторе, что подтверждали надежные свидетели.

Ни один банк не сообщил о похищении денег ловким жуликом, загримированным под уважаемого клиента. Ни в меблированных комнатах, ни в отелях, ни в кемпингах не удалось обнаружить постояльца, хотя бы отдаленно похожего на Летерена.

В картотеке имелось сорок два мошенника, живых и мертвых, хитро ограбивших банки. Но их способы совсем не походили на примененный в этот раз. Машина с сожалением выдала ответ: "Не значится".

Однако достаточное число негативных факторов позволяло прийти к некоторым позитивным выводам. Обдумав полученные ответы, Гаррисон и Райдер сошлись на том, что Эшкрофта и Летерена можно считать непричастными к грабежу, что неизвестный преступник еще только начинает свою карьеру и первый успех побудит его повторить удавшуюся операцию и что, используя свой особый талант, он скрывается теперь под совсем другой личиной.

Первая удача выпала им в конце дня. В кабинет вошел Кастнер, сдвинул шляпу на затылок и сказал:

- Возможно, я кое на что набрел.

- А именно? - спросил Гаррисон, настораживаясь.

- Такие чемоданчики особым спросом не пользуются, и продает их только один магазин. За последний месяц им удалось сбыть три.

- Оплачивались чеками?

- Наличными, - и, угрюмо улыбнувшись разочарованию своего начальника, Кастнер продолжал: - Но двое были давними уважаемыми клиентами. Оба купили свои чемоданчики недели три назад. Чемоданчики они мне предъявили и рассказали, как провели утро пятницы. Я проверил их истории - все совершенно верно.

- Ну, а третий покупатель?

- К этому я и веду, шеф. По-моему, он нам и требуется. Чемоданчик он купил накануне ограбления. И его никто не знает.

- Приезжий?

- Не совсем. Хильда Кассиди, продавщица, которая его обслуживала, подробно описала его. Говорит, что это пожилой тихий человек с острым лицом. Похож на бальзамировщика, у которого болят зубы.

- Ну, а почему вы думаете, что он не приезжий?

- А потому, шеф, что кожаными изделиями в городе торгуют одиннадцать магазинов. Я ведь здешний, но и мне пришлось порыскать, прежде чем я отыскал тот, где имелись эти чемоданчики. Ну, этот служитель морга - решил я - тоже не сразу нашел то, что ему требовалось. А потому я еще раз прошелся по магазинам, спрашивая там уже прямо о нем.

- Ну?

- В трех вспомнили, что похожий по описанию человек интересовался товаром, которого они не держат, - он сделал многозначительную паузу. - Сол Бергмен из "Туриста" говорит, что его физиономия показалась ему знакомой. Кто он, Бергмен не знает и ничего к этому добавить не может. Но он уверен, что видел его раза два раньше.

- Может быть, он время от времени приезжает в город, а живет где-то не очень близко.

- И я так думаю, шеф.

- "Не очень близко" может означать любое место в радиусе ста миль, а то и дальше, - проворчал Гаррисон. Он кисло посмотрел на Кастнера. - Кто из них лучше всех его разглядел?

- Хильда Кассиди.

- Так везите ее сюда, и поживее!

- Уже привез, шеф. Дожидается в приемной.

- Молодец, Джин! - сказал Гаррисон, повеселев. - Давайте его сюда!

Кастнер вышел и вернулся с продавщицей. Это была высокая стройная девушка лет двадцати с умным лицом. Она сидела, положив руки на колени, и со спокойной деловитостью отвечала на вопросы Гаррисона, который старался как можно полнее выяснить, что еще она может вспомнить о внешности подозрительного покупателя.

- Опять то же! - пожаловался Гаррисон, когда она замолчала. - Ребятам придется еще раз обойти город и проверить, не знает ли кто-нибудь этого типа.

- Если он только приезжает в город, вам нужно будет заручиться содействием полиции других городов, - вмешался Райдер.

- Да, конечно.

- Но, возможно, мы сумеем облегчить их задачу, - Райдер посмотрел через стол на девушку. - Если мисс Кассиди согласится нам помочь.

- С удовольствием, если только сумею.

- Что вы еще придумали? - поинтересовался Гаррисон.

- Думаю заручиться услугами Роджера Кинга.

- А кто он такой?

- Художник в штате нашего департамента. Подрабатывает на стороне карикатурами. Он настоящий мастер. - Райдер снова повернулся к девушке. - Не могли бы вы завтра прийти сюда пораньше - на все утро?

- Если управляющий разрешит.

- Он разрешит. Это я беру на себя, - объявил Гаррисон.

- Вот и прекрасно, - сказал Райдер девушке. - Когда вы придете, мистер Кинг покажет вам фотографии разных людей. Вам нужно будет внимательно их рассмотреть и указать на те черты, которые напомнят вам лицо человека, купившего этот чемоданчик. Тут подбородок, там нос, еще где-то - рот. А мистер Кинг нарисует по ним словесный портрет и будет изменять его по вашим указаниям, пока сходство не станет полным. Ну как, справитесь?

- Конечно.

- Можно сделать даже лучше, - вмешался Кастнер. - Сол Бергмен до смерти обрадуется, если и его попросить помочь. Он такие штуки любит.

- Ну так пригласите его завтра.

Когда Кастнер и девушка ушли, Райдер спросил у Гаррисона:

- У вас тут найдется кто-нибудь, чтобы размножить портрет?
- Конечно.
- Вот и хорошо. - Райдер повернулся к телефону. - Можно, я добавлю к счету еще цифру-другую?
- Мне-то все равно, пусть даже мэр при виде этого счета в обморок хлопнется, - ответил Гаррисон. - Но если вы намерены излить в трубку первобытную страсть, так и скажите, чтобы я успел загодя убраться.
- На этот раз - нет. Возможно, она и тоскует, но долг прежде всего! - Он взял трубку. - Министерство финансов, Вашингтон, добавочный 338. Попросите Роджера Кинга.

Рисунок Кинга был разослан вместе с описанием и просьбой задержать человека, ему отвечающего. Всего через несколько минут после того, как они попали к адресатам, в кабинете Гаррисона зазвонил телефон. Он схватил трубку.

- Казармы полиции штата. Говорит сержант Уилкинс. Мы только что получили ваш пакет. Я знаю этого типа, он живет на моем участке.

- Кто он такой?

- Уильям Джонс. Владелец небольшого питомника на шоссе номер 4 часах в двух езды от вашего города. Довольно унылая личность, но ничего дурного о нем неизвестно. Я бы сказал, что он отъявленный пессимист, но человек честный. Хотите, чтобы мы его задержали?

- А вы уверены, что это он?

- На вашем рисунке его лицо, а больше я ничего утверждать не берусь. В полиции я служу столько же, сколько и вы, и при опознании ошибок не делаю.

- Конечно, сержант. Мы будем очень вам благодарны, если вы пришлете его к нам для выяснения.

- Хорошо.

Он повесил трубку. Гаррисон откинулся на спинку стула и вперил взгляд в стол, взвешивая то, что услышал. Через несколько минут он сказал:

- Все-таки меня больше устроило, если бы этот Джонс в прошлом был, скажем, цирковым клоуном или эстрадным имитатором. Владелец питомника в двух часах езды от ближайшего города больше смахивает на простака-фермера, чем на ловкача, способного провернуть такое дело.

- Возможно, он только сообщник. Купил чемоданчик перед ограблением, потом спрятал деньги или стоял на стреме, пока грабитель был в банке.

Гаррисон кивнул.

- Ну, мы все выясним, когда он придет. И если он не сумеет доказать, что купил чемоданчик без всякой задней мысли, ему придется плохо.

- А если сумеет?

- Тогда мы вернемся к тому, с чего начали, - Гаррисон помрачнел, подумав об этом, но тут зазвонил телефон, и он схватил трубку. - Нортвудский полицейский участок.

- Говорит полицейский Клинтон, шеф. Я только что показал этот рисунок миссис Бастико. Она содержит меблированные комнаты. Дом 157 по Стивенс-стрит. Она клянется, что это Уильям Джонс, который жил у нее десять дней. Он явился к ней без багажа, но позже купил себе чемоданчик, вроде того, кассирского. В субботу утром он уехал, захватив чемоданчик. У него было уплачено вперед за четыре дня, но он ни слова про это не сказал и больше не возвращался.

- Подождите там, Клинтон. Мы сейчас подъедем, - Гаррисон прищелкнул и сказал Райдеру: - Ну, поехали!

Полицейская машина быстро доставила их к дому 157 по Стивенс-стрит. Это было ветхое кирпичное здание с каменной лестницей, истертой тысячами подошв.

Миссис Бастико, чье топорное лицо украшали бородавки, воскликнула в добродетельном негодовании:

- У меня в доме еще никогда не бывало полиции. За все двадцать лет!

- Ну, зато в нем хотя бы теперь побывали порядочные люди, - утешил ее Гаррисон. - Так что вы можете сказать про этого Джонса?

- Да ничего особенного, - ответила она, все еще кипя. - Он почти все время запирался у себя. А у меня нет привычки вступать в разговоры с жильцами, если они ведут себя прилично.

- Он упоминал что-нибудь о том, откуда он приехал, или куда намерен отправиться дальше, или еще что-нибудь в том же роде?

- Нет. Он уплатил вперед, сказал мне свою фамилию, объяснил, что приехал по делам, а больше ничего. Он каждое утро куда-то уходил, вечером возвращался рано, всегда был трезвым и ни к кому не приставал.

- А к нему кто-нибудь приходил? - Гаррисон вытащил фотографию Летерена. - Вот этот человек, например?

- Ваш полицейский вчера показывал мне эту карточку. Я его не знаю. Я ни разу не видела, чтобы мистер Джонс с кем-то разговаривал.

- Гм-м-м... - разочарованно протянул Гаррисон. - Мы осмотрим его комнату. Вы не против?

Она неохотно провела их наверх, отперла дверь и предоставила им перерыть комнату, как им вздумается. Судя по лицу миссис Бастико, полиция вызывала у нее аллергию.

Они тщательно обыскали комнату - сняли с кровати простыни и матрас, передвинули всю мебель, перевернули коврики и даже отвинтили отстойник раковины и исследовали его содержимое. Полицейский Клинтон извлек из узкой щели между половицами маленький кусочек прозрачной розовой обертки и два странных семечка, похожих на удлинённые миндалины с сильным своеобразным запахом.

Убедившись, что в комнате больше нет ничего интересного, они увезли эти скудные результаты обыска в участок, откуда отправили их в криминалистическую лабораторию штата для анализа.

Три часа спустя в кабинет вошел Уильям Джонс. Он посмотрел мимо Райдера и, сердито уставившись на Гаррисона, который был в форме, спросил раздраженно:

- С какой это стати вы меня сюда приволокли? Я ничего не сделал!

- В таком случае чего же вам беспокоиться? - Гаррисон напустил на себя самый грозный вид. - Где вы были утром в прошлую пятницу?

- Это я вам сразу скажу, - с ехидством в голосе ответил Джонс. - Я был в Смоки-Фолсе, покупал запасные части для культиватора.

- Это же в восьмидесяти милях отсюда!

- Ну и что? От моего дома туда гораздо ближе. А запасных частей к культиватору здесь больше нигде не купишь. Может, вы знаете агента в Нортвуде? Назовите его мне, и я вам спасибо скажу.

- Ну, довольно об этом. Сколько времени вы там пробыли?

- Приехал туда в десять, уехал днем.

- Так вам понадобилось около пяти часов, чтобы купить какие-то запасные части?

- А я никуда не торопился! Купил еще кое-какие продукты. Пообедал там. Ну, и выпил.

- Значит, найдется много людей, которые смогут подтвердить, что видели вас там?

- А как же! - согласился Джонс с обескураживающей решительностью.

Гаррисон включил селектор и сказал кому-то:

- Привезите сюда миссис Бастико, Кассиди и Сола Бергмена. - Затем он снова вернулся к Джонсу. - Скажите мне точно, куда именно вы заходили, пока находились в Смоки-Фолсе, и кто вас видел в каждом из этих мест.

Он принялся быстро записывать все, что сообщал ему Джонс о своих покупках утром в пятницу. Кончив, он позвонил в полицейский участок Смоки-Фолс, быстро изложил суть дела, сообщил данные, полученные от Джонса, и попросил как следует их проверить.

Услышав его просьбу, Джонс вдруг встревожился:

- Можно мне теперь уйти? Мне работать нужно.

- Мне тоже, - сказал Гаррисон. - А куда вы запрятали кожаный

чемоданчик?

- Какой чемоданчик?

- Новый, который вы купили днем в четверг.

Растерянно глядя на него, Джонс выкрикнул:

- Что это вы мне приписываете? Никаких чемоданчиков я не покупал! На черта мне сдался ваш чемоданчик?

- Вы еще скажете, что не жили в меблированных комнатах на Стивенс-стрит!

- И не жил. На вашей Стивенс-стрит мне делать нечего. Я туда и за деньги не пошел бы!

Спор продолжался двадцать минут. Джонс с ослиным упрямством утверждал, что весь четверг работал у себя в питомнике - как и все то время, когда он якобы жил в меблированных комнатах. Никакой миссис Бастико он не знает и не желает знать. Никогда в жизни никаких кожаных чемоданчиков он не покупал. Пусть устроят у него обыск - он ничего против не имеет, но если там окажется чемоданчик, значит, они сами его подбросили.

В дверь просунулась голова полицейского:

- Они здесь, шеф.

- Ладно. Приготовьте все для опознания.

Через десять минут Гаррисон провел Уильяма Джонса в заднюю комнату и поставил его в ряд вместе с четырьмя сыщиками и пятью добровольцами с улицы. Затем в комнату вошли Сол Бергмен, Хильда Кассиди и миссис Бастико. Они посмотрели на шеренгу и одновременно показали на одного и того же человека.

- Он самый, - сказала миссис Бастико.

- Это он, - подтвердила продавщица.

- И никто другой, - подхватил Сол Бергмен.

- Они у вас тут все с приветом! - объявил Джонс в полной растерянности.

Гаррисон увел троих свидетелей к себе в кабинет и попробовал установить, не допустили ли они ошибки. Они утверждали, что нет, что они абсолютно уверены: Уильям Джонс - это тот самый человек.

Гаррисон отпустил их, а Уильяма Джонса задержал до получения сведений из Смоки-Фолса. Результаты проверки пришли, когда двадцать четыре часа - максимальный срок, на который закон разрешает задерживать подозреваемого без предъявления ему обвинения, - уже почти истекли. Показания тридцати двух человек полностью подтверждали, что Джонс действительно был в Смоки-Фолсе с десяти до пятнадцати тридцати. Проверки на дорогах помогли установить весь его путь до этого городка и обратно. Несколько свидетелей показали, что видели его в питомнике в те часы, когда он якобы был в доме миссис Бастико. В доме и в питомнике Джонса был произведен обыск - ни чемоданчика, ни похищенных денег обнаружено не было.

- Ну, все! - проворчал Гаррисон. - Мне остается только выпустить его с самыми нижайшими извинениями. Что за паршивое, что за гнусное дело, где все принимают всех за кого-то еще?

Массируя подбородок, Райдер предложил:

- А не проверить ли нам и это? Давайте-ка поговорим с Джонсом еще раз, прежде чем вы его отпустите.

Джонс вошел, сгорбившись и сильно попристизнув: он был готов отвечать на любые вопросы, лишь бы скорее вернуться домой.

- Мы очень сожалеем, что причинили вам столько неудобств, - вежливо сказал Райдер. - Но при сложившихся обстоятельствах это было неизбежно. Мы столкнулись с чрезвычайно сложной проблемой. - Наклонившись вперед, он пристально посмотрел на Джонса: - Постарайтесь вспомнить, не было ли случая, когда вас приняли за кого-то другого?

Джонс открыл было рот, снова его закрыл и наконец сказал:

- Ах, черт! Был такой случай. Недели две назад.

- Ну-ка, расскажите, - попросил Райдер, и его глаза заблестели.

- Я проехал Нортвуд, не останавливаясь, - мне нужно было в Саутвуд.

Пробыл там около часу, как вдруг какой-то тип окликнул меня с той стороны улицы. Совсем незнакомый. Я даже подумал, что он зовет кого-то другого. Но только он меня окликнул.

- А дальше что было? - нетерпеливо проговорил Гаррисон.

- Он меня спросил, как это я очутился тут. И вид у него был ошарашенный. Я ответил, что приехал на своей машине. Но он мне не поверил.

- Почему?

- Он сказал, что я шел пешком и голосовал. Он это знал потому, что сам подвез меня до Нортвуда. И добавил, что, высадив меня там, дальше нигде не останавливался и гнал так, что до Саутвуда его никто не обгонял. Он только сейчас поставил машину, пошел по улице и - бац! - я иду ему навстречу по другой стороне.

- А вы ему что сказали?

- Я сказал, что подвозил он не меня, а кого-то другого. Его же собственные слова это доказывают.

- Это поставило его в тупик, а?

- Он совсем растерялся. Подвел меня к своей машине и говорит: "Что же, значит, вы в ней не ехали?" Конечно, я сказал, что нет, и пошел своей дорогой. Сначала я подумал, что это какой-то розыгрыш. А потом решил, что у него не все дома.

- Нам придется найти этого человека, - отдельно сказал Райдер. - Расскажите все, что можете о нем вспомнить.

Джонс задумался.

- Ему под сорок. Одет хорошо, разговаривает гладко, смахивает на коммивояжера. В машине у него полно проспектов, цветных таблиц и жестянок с красками.

- В багажнике? Вы туда заглядывали?

- Нет, на заднем сиденье. Словно у него привычка хватать их в спешке, а потом бросать.

- Ну, а машина?

- "Флэш" последней модели. Двухцветный - зеленый с белыми крыльями. Номера я не заметил.

Они расспрашивали Джонса еще десять минут, выясняя в подробностях, как выглядел и как был одет этот человек. Затем Гаррисон позвонил в полицию города и попросил провести розыск.

- Начните с москательных магазинов. Судя по всему, он коммивояжер какой-то фирмы, производящей краски. Наверное, там смогут сказать, кто у них был в тот день.

Ему обещали, что это будет сделано немедленно. Джонс отправился домой, сердясь, но и испытывая большое облегчение. Не прошло и двух часов, как его рассказ принес плоды. Гаррисону позвонили из города.

- В четвертом же магазине мы узнали все, что вас интересует. В торговле красками это личность известная. Бердж Киммелмен, представитель лакокрасочной компании "Акме" в Мэрионе, штат Иллинойс. Местопребывание в настоящее время неизвестно. Но, конечно, вы можете отыскать его через "Акме".

- Огромное спасибо! - Гаррисон положил трубку и тут же начал звонить в "Акме". После недолгого разговора он снова положил трубку и повернулся к Райдеру:

- Он сейчас едет где-то по шоссе милях в двухстах к югу. Вечером они созвонятся с ним, и завтра он будет здесь.

- Прекрасно.

- Да? - спросил Гаррисон с раздражением. - Мы сбиваемся с ног, разыскивая то одного, то другого, только чтобы тут же погнаться за третьим. Так может продолжаться без конца.

- Или же до чьего-то конца! - возразил Райдер. - Жернова человеческие мелют медленно, но очень тщательно.

Совсем в другом месте, на семьсот миль западнее, еще один человек занимался своей будничной работой. Организованные усилия могут быть очень внушительными, но действенность их удваивается, когда они вбирают в себя

результаты индивидуальных трудов.

Человек, о котором идет речь, был остролицым и остроносым, жил в мансарде, питался в закусочных-автоматах, стучал на машинке бурыми от никотина пальцами, двадцать лет лелеял мечту написать Великий Американский Роман, но все не мог собраться.

Звали его Артур Килкард, что, естественно, сократилось в "Кильку", и был он репортером. Хуже того - репортером бульварной газетенки. Он беззаботно вошел в редакцию, но тут некто с язвой желудка и кислым лицом сунул ему листок.

- Вот, Килька. Еще один псих с летающим блюдом. Отправляйся.

Килкард недовольно отправился выполнять поручение. Он отыскал указанный в записке дом и постучал. Дверь открыл юноша лет восемнадцати - двадцати с умным энергичным лицом.

- Вы Джордж Леймот?

- Совершенно верно.

- Я из "Звонка". Вы сообщили, что у вас имеется материал про блюдечко. Так?

Леймот брезгливо поморщился.

- Это вовсе не блюдо, и я этого слова не употреблял. Это сферический предмет искусственного происхождения.

- Предположим, что так. Где и когда вы его видели?

- В прошлую ночь и в позапрошлую. В небе.

- Прямо над городом?

- Нет, но его видно отсюда.

- Я вот его не видел. И, насколько мне известно, вы - единственный, кто его видел. Как вы это объясните?

- Рассмотреть его невооруженным глазом почти невозможно. У меня есть восьмидюймовый телескоп.

- Сами собрали?

- Да.

- Это дело не простое! - похвалил Арт Килкард. - А вы мне его не покажете?

После некоторых колебаний Леймот сказал "ладно" и повел его на чердак. И действительно, там стоял самый настоящий телескоп, задирая любопытный нос к раздвижной дверце в крыше.

- И вы видели ваш сферический предмет в эту штуку?

- Две ночи подряд, - подтвердил Леймот. - Надеюсь и сегодня за ним понаблюдать.

- Ну, и что он такое, по-вашему?

- Это ведь одни догадки, - уклончиво ответил юноша. - И могу сказать только, что он движется вокруг Земли по замкнутой орбите, имеет строго сферическую форму и, по-видимому, представляет собой искусственное сооружение из металла.

- А фотографии его у вас нет?

- К сожалению, я не располагаю необходимой аппаратурой.

- А не может тут вам помочь наш фотограф?

- Если у него есть подходящая камера.

Килкард задал еще десятка два вопросов и под конец сказал с сомнением в голосе:

- То, что вы видели, может увидеть в телескоп кто угодно. А в мире полно телескопов, и некоторые такие громадные, что сквозь них тепловоз проедет. Так почему же еще никто не прокричал об этом на весь мир? Как по-вашему?

Леймот ответил с легкой улыбкой:

- Те, у кого есть телескопы, не смотрят в них круглые сутки. А когда смотрят, то обычно изучают какие-то отдельные участки звездного неба. К тому же кто-то должен крикнуть первым. Потому-то я и позвонил в "Звонки".

- И правильно сделали! - одобрил Килкард, предвкушая собственный успех.

- Тем более, - продолжал Леймот, - что его видели и другие. Вчера

вечером я позвонил трем знакомым астрономам. Они поглядели и тоже его увидели. Двое сказали, что позвонят в ближайшие обсерватории. Сегодня я отправил в обсерваторию полный отчет о своих наблюдениях и еще один - в научный журнал.

- О черт! - сказал Килкард, встревожившись. - Надо поторопиться, прежде чем какая-нибудь другая газетенка тиснет статеечку... - На его лице вдруг появилось подозрительное выражение. - Поскольку я сам этой сферической штуки не видел, мне надо проверить материал по другому источнику. Это вовсе не значит, что я думаю, будто вы врете. Но если я не стану проверять материал, мне придется искать другую работу. Не можете ли вы мне дать фамилию и адрес одного из ваших приятелей-астрономов?

Леймот сообщил ему адрес и проводил до дверей. Когда Килкард торопливо направился к телефонной будке, у дома Леймота резко затормозила патрульная полицейская машина. Килкард узнал полицейского в форме, сидевшего за рулем, но два дюжих субъекта в штатском на заднем сиденье были ему незнакомы. Это его удивило - как репортер с большим стажем он знал всех местных сыщиков и фамильярно называл их по имени. Издали он увидел, как двое неизвестных вылезли из машины, подошли к двери Леймота и позвонили.

Шмыгнув за угол, Килкард зашел в будку и набросал в аппарат побольше монет для междугородного разговора.

- Алан Рид? Моя фамилия Килкард. Я пишу на астрономические темы. Если не ошибаюсь, вы видели на небе неизвестный металлический предмет. Что-что? - Он нахмурился. - Бросьте! Ваш приятель Джордж Леймот тоже его видел. Он сам мне сказал, что звонил вам вчера насчет этой штуки. - Он замолчал, прижимая трубку к уху. - Какой смысл повторять "ничего не могу сказать по этому поводу"? Послушайте, либо вы его видели, либо нет. А пока вы еще не сказали, что нет. - После новой паузы он спросил язвительно: - Мистер Рид, вам кто-нибудь приказал держать язык за зубами?

Он дернул рычаг, опасливо поглядел на угол, бросил в автомат несколько монет и сказал кому-то:

- Говорит Арт. Если решите тиснуть этот материалчик, то вам придется поторопиться, и как! Он проскочит, только если вас не успеют остановить! - Он подождал, услышал щелчок подключенного диктофона и начал поспешно наговаривать ленту. Через пять минут он кончил, вышел из будки и осторожно заглянул за угол. Патрульная машина все еще стояла возле дома Джорджа Леймота.

Вскоре улицы наводнили газетчики с экстренным выпуском "Звонка". И сразу же множество газет в маленьких городах, получив с телетайпа ту же новость, запестрели сыпью двухдюймовых заголовков:

КОСМИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ В НЕБЕ - ЧЬЯ?

На исходе следующего утра Гаррисон упрямо занимался текущими делами. В углу его кабинета Райдер, вытянув бревноподобные ноги, медленно и внимательно читал пачку напечатанных на машинке листов.

Пачка эта была плодом будничной работы очень многих людей. В ней, исключая некоторые пробелы, час за часом прослеживались передвижения некоего Уильяма Джонса, о котором было известно, что он - не настоящий Уильям Джонс. Его видели, когда он бродил по Нортвуду, тараща глаза, как провинциальный турист. Его много раз видели на главной улице, где он изучал расположенные там торговые заведения. Его видели в магазине самообслуживания примерно в то время, когда там у покупательницы был украден кошелек. Он обедал в кафе и ресторанах, пил пиво в барах и пивных.

Эшкрофт, Джонсон и еще один кассир вспомнили, что какой-то похожий на Джонса человек за неделю до ограбления несколько раз заходил в банк и задавал праздные вопросы. Летерен и его охранники припомнили, что некто, как две капли воды похожий на Уильяма Джонса, стоял поблизости, когда Летерен брал деньги в предыдущий раз. В целом эти по крохам собранные сведения покрывали почти все время, которое предполагаемый преступник

провел в Нортвуде, - период, равный десяти дням.

Кончив читать, Райдер закрыл глаза и принялся вновь и вновь продумывать все подробности - в надежде натолкнуться на новую идею. Тем временем включенный приемник на полке продолжал извергать приглушенную, но негодующую речь радиокомментатора:

- ...Теперь уже всему миру известно, что кому-то удалось запустить на орбиту космическую станцию. Всякий, у кого есть телескоп или даже сильный бинокль, может сам наблюдать ее по ночам. Так с какой же стати наше правительство делает вид, будто эта станция не существует? Если ее запустили не мы, так объявите об этом во всеуслышание, - тем, кто ее запустил, это ведь все равно известно. Если же она принадлежит нам, если ее туда забросили мы, то почему от нас это скрывают, когда она сама уже давно перестала быть тайной? Может быть, кто-то считает нас неразумными младенцами? Какие бюрократы присвоили себе право решать, о чем нас можно ставить в известность, а о чем - нет? С этим надо покончить! Правительству пора прервать молчание!

- Тут я с ним согласен, - сказал Гаррисон, поднимая голову от бумаг.

- Почему они не сделают прямо сказать, наша она или не наша? Кое-кто там слишком много на себя берет. Хороший пинок... - он замолчал и схватил телефонную трубку. - Нортвудский полицейский участок. - Пока он слушал, на его худом лице промелькнула целая гамма странных выражений, затем он положил трубку и сказал: - С каждой минутой это дело становится все более дурацким.

- Что на этот раз?

- Семена. Лаборатория не смогла установить, что это такое.

- Не вижу ничего странного. Не могут же они знать все!

- Во всяком случае, они знают, когда орешек оказывается им не по зубам, - возразил Гаррисон. - А потому послали наши семечки какой-то нью-йоркской фирме, где про семена знают все. И только что получили ответ.

- Ну?

- Все тот же: науке неизвестны. В Нью-Йорке пошли даже дальше: отжали масло, а остаток подвергли всем возможным анализам. Результат: семена, не значащиеся ни в одном каталоге, - он испустил смешок, похожий на стон. - Они просят нас прислать им еще десяток этих неизвестных семян, чтобы они смогли их прорастить. Им интересно было бы узнать, что вырастет.

- Выбросьте все это из головы, - посоветовал Райдер. - Семян у нас больше нет, и мы не знаем, где их можно достать.

- Но у нас есть кое-что поинтереснее, - продолжал Гаррисон. - С семенами мы послали розовую прозрачную обертку, помните? Я тогда думал, что это цветной целлофан. А лаборатория сообщает, что это вовсе не искусственная пленка. Она органического происхождения, имеет клетки и прожилки и, по-видимому, представляет собой кожицу неизвестного плода.

- ...давно известно в теории и, как предполагают, разрабатывается в условиях строгой секретности, - бубнило радио. - Тот, кто осуществит это первым, получит неоспоримое стратегическое преимущество с военной точки зрения.

- Порой я перестаю понимать, какой был смысл рождаться, - пробормотал Гаррисон.

Селектор квакнул и объявил:

- Шеф, вас спрашивает какой-то Бердж Киммелмен.

- Давайте его сюда.

Вошел Киммелмен, щеголеватый, самоуверенный. По-видимому, он только обрадовался возможности отдохнуть от обычных дел, поспешив на помощь закону и порядку. Он сел, закинул ногу за ногу, расположился, как дома, и принялся рассказывать свою историю:

- Просто черт знает что, капитан. Начать с того, что я никогда не беру в машину незнакомых людей. Но я остановился и подвез этого типа, хотя до сих пор не пойму, как это произошло,

- А где вы его подобрали?

- Примерно в полумиле за колонкой Сигера, если ехать в этом

направлении. Он стоял на обочине, и я вдруг затормозил и распахнул перед ним дверцу. Я подвез его до Нортвуда, высадил, а сам рванул вперед, в Саутвуд. Только я там отошел от автомобильной стоянки, как вижу: он идет по той стороне улицы, - Киммелмен умолк и выжидательно посмотрел на них.

- Продолжайте, - сказал Райдер.

- Я его тут же окликнул и спросил, как это он очутился в городе раньше меня. А он сделал такие глаза, будто не понимал, о чем я говорю, - Киммелмен недоуменно пожал плечами. - Я над этим без конца ломал голову, но так ничего и не смог придумать. Я знаю, что подвез этого типа или его брата-близнеца. Но второго быть не может: ведь в таком случае он понял бы, почему я ошибся, и объяснил бы, что я, очевидно, подвез его брата, но он ничего подобного не сказал. И постарался вежливо прекратить разговор, как будто имел дело с ненормальным.

- Пока он ехал с вами, не говорил ли он чего-нибудь? - спросил Гаррисон. - Что-нибудь о себе, своей профессии, цели своей поездки?

- Ничего. Он на меня прямо как с неба упал.

- Тут все словно с неба упало, - кисло проворчал Гаррисон. - Известные семена, кожица неведомых плодов, и... - он внезапно умолк, глаза широко раскрылись.

- ...с подобной базой, любая страна окажется в положении, позволяющем диктовать...

Райдер подошел к приемнику, выключил его и сказал:

- Будьте любезны, подождите немного в приемной, мистер Киммелмен.

Когда коммивояжер вышел, он продолжал, обращаясь к Гаррисону:

- Ну, решайте же наконец, хватит вас удар или нет?!

Гаррисон закрыл рот, снова открыл, но не сумел издать ни звука. Его выпученные глаза, казалось, не могли вернуться в свои орбиты. Правой рукой он бессильно помахал в воздухе. Райдер взял телефонную трубку и, когда его соединили, сказал:

- О'Киф, что у вас там слышно по поводу этой космической станции?

- Вы мне только из-за этого звоните? А я как раз брался за трубку, чтоб связаться с вами.

- По какому поводу?

- Пришло одиннадцать ответов на циркулярное письмо. Первые девять из двух больших городов, а последние два - из Нью-Йорка. Ваш подопечный на месте не сидит. Держу пари на десять кокосовых орехов против одного, что следующий банк, который он попытается ограбить, будет в Нью-Йорке или его окрестностях.

- Вполне возможно. Но пока забудьте про него. Я вас спросил про станцию. Как у вас там реагируют на это?

- Гудят, как потревоженный улей. По слухам, астрономы заметили ату штуку и сообщили о ней еще за неделю до того, как газеты подняли шум. Если это так, значит, кто-то наверху пытался засекретить эти сведения.

- Зачем?

- А я откуда знаю! - вспыхнул О'Киф. - Как я могу ответить, почему кто-то делает глупости!

- Значит, вы считаете, что они должны были прямо сказать, наша это станция или нет, поскольку правда рано или поздно все равно выйдет на поверхность?

- Вот именно. Но вы-то чего этим так интересуетесь, Эдди? Какое отношение станция имеет к нашему делу?

- Я просто выражаю вслух мысль, которая произвела на Гаррисона противоположное действие. Он лишился дара речи.

- Какую еще мысль?

- Что эта космическая станция вовсе не станция. И что официальных сообщений не поступило потому, что специалисты оказались в тупике. Они же не могут что-нибудь сказать, если им нечего сказать, верно?

- Зато мне есть что сказать, - объявил О'Киф. - Займитесь делом! Если вы больше не нужны Гаррисону, то возвращайтесь. Хватит отдыхать за казенный счет!

- Послушайте, у меня нет привычки развлекаться междугородными телефонными разговорами. С одной стороны, в небе болтается нечто, и никто не знает, что это такое. С другой стороны, здесь, внизу, нечто имитирует людей, грабит банки, выбрасывает объедки неземного происхождения, и никто опять-таки не знает, что это такое. Два плюс два равняется четырем. Попробуйте сами сложить.

- Эдди, вы свихнулись?

- Дайте я вам изложу все подробности, а потом судите сами. - Он быстро перечислил факты и закончил: - Постарайтесь заинтересовать тех, к кому это имеет прямое отношение. Нам одним такое дело не по зубам. Обратитесь к тем, у кого есть власть и возможности справиться с такой проблемой. Заставьте их понять!

Он положил трубку и посмотрел на Гаррисона, который мгновенно обрел способность говорить:

- А я все-таки не в силах поверить. Какая-то фантастика. В тот день, когда я доложу мэру, что банк ограбил марсианин, в Нортвуде будет новый начальник полиции. А меня он отправит к психиатру.

- У вас есть другое объяснение?

- Нет. Это-то и хуже всего!

Выразительно пожав плечами, Райдер снова взял трубку и позвонил в лакокрасочную компанию "Акме". Затем вызвал из приемной Киммелмена.

- Очень вероятно, что вы нам завтра понадобится, а возможно, и в следующие дни тоже. Я только что звонил в вашу контору и договорился с ними.

- Не возражаю, - сказал коммивояжер, довольный возможностью побездельничать с разрешения начальства. - Тогда я отправлюсь снять номер.

- Но сперва скажите: этот ваш пассажир... был у него какой-нибудь багаж?

- Нет.

- Ни пакета, ни маленького свертка?

- Ничего, - решительно ответил Киммелмен.

Глаза Райдера заблестели.

- Возможно, нам повезло.

На следующий день по разным шоссе, успешно избежав внимания прессы, в Нортвуд приехали важные люди. Кабинет Гаррисона оказался битком набитым.

Среди приехавших были шишки из министерства финансов, генерал, адмирал, глава секретной службы, один из руководителей военной разведки, три директора ФБР, начальник контрразведки, а также их помощники, секретари и технические советники плюс букет ученых, включавший двух астрономов, специалиста по радиолокации, специалиста по управляемым снарядам и несколько растерянного старца, знатока муравьев, с международной репутацией.

Они молча - одни с интересом, другие скептически - выслушали исчерпывающий доклад Гаррисона. Он кончил и сел, выжидающе глядя на слушателей.

Первым заговорил представительный седой человек:

- Я склонен согласиться с вами, что вы разыскиваете существо из иного мира. Я не берусь говорить от лица присутствующих. Возможно, у них сложилось свое мнение. Однако, мне кажется, нет смысла тратить время на споры. Проще решить вопрос, поймав преступника. В этом и заключается стоящая перед нами задача. Каким способом мы бы могли его схватить?

- Обычные методы тут не подходят, - объявил директор ФБР. - Того, кто способен изменить свою внешность настолько убедительно, что и стоя с ним рядом, заметить подделку невозможно, изловить не так-то просто. Мы способны отыскать любого человека, если в нашем распоряжении будет достаточно времени, но не вижу, как мы можем выследить индивида, меняющего личности.

- Даже пришелец из другого мира не стал бы красть деньги, если бы они ему не были нужны, - заметил человек с пронзительными глазами. - Ведь больше нигде в космосе они хождения не имеют. Таким образом, можно

предположить, что они ему были нужны. Однако деньги, кто бы их не тратил, имеют тенденцию иссякать. Когда он их израсходует, ему придется пополнить запас. И он попробует ограбить еще один банк. Если все банки страны превратить в ловушки, он будет пойман.

- Как это вы расставите ловушку тому, кого сами будете считать лучшим и наиболее уважаемым своим клиентом? - спросил директор ФБР и с ехидной усмешкой добавил: - Если уж на то пошло, откуда вы знаете, что я - это не он?

Это предположение никого не обрадовало. Все тревожно переглянулись и умолкли, тщетно пытаясь найти решение проблемы.

Молчание нарушил Гаррисон.

- Откровенно говоря, я считаю, что искать по всему миру существо, которое способно выдавать себя за кого угодно, значит попусту терять время. Если он сумел в совершенстве скопировать двоих, то скопирует и двадцать и двести человек. Я думал об этом, пока у меня голова кругом не пошла, но не вижу, каким способом его можно опознать и схватить. Он же практически неуловим!

- Возможно, вы правы, - признал Райдер. - Но пока у вас нет никаких доказательств. - После некоторых колебаний он продолжал: - Насколько я могу судить, есть только один способ поймать его.

- Какой же?

- Вряд ли он явился к нам навсегда. Да и эта штукавина в небе свидетельствует о том же. Для чего она? Я думаю, для того, чтобы доставить его обратно, когда он будет готов обратиться восвояси.

- Ну? - нетерпеливо спросил кто-то.

- Чтобы забрать его, эта штука должна спуститься с высоты в несколько тысяч миль. Следовательно, ее нужно будет вызвать. Ему придется дать сигнал своей команде, если она у него есть. Или же, если она управляется автоматически, посадить ее с помощью дистанционного управления. В любом случае ему будет нужен передатчик.

- Если передача будет продолжаться недолго, мы не успеем засечь ее и... - начал какой-то скептик.

Райдер отмахнулся от него.

- Я имею в виду совсем другое. Нам известно, что он явился в Нортвуд без багажа. Это утверждает Киммелмен. Это утверждает миссис Бастико. Его неоднократно в разное время видели многочисленные свидетели, но, если не считать чемоданчика с деньгами, он никогда ничего с собой не носил. Даже если его цивилизация создала электронное оборудование, в десять раз более компактное и легкое, чем наше, все-таки передатчик дальнего действия будет слишком велик, чтобы носить его в кармане.

- Вы полагаете, что он его где-то спрятал? - спросил человек с пронзительным взглядом.

- Мне это кажется более чем вероятным. Но если он его спрятал, тем самым он ограничил свою свободу действий. Он не может посадить корабль там, где ему вздумается. Для этого ему надо будет вернуться к спрятанному передатчику.

- Но он мог спрятать передатчик где угодно. Не вижу, чем это нам поможет.

- Наоборот! - Райдер взял доклад Гаррисона и прочел несколько выдержек, делая ударения на самом важном. - Возможно, я ошибаюсь, но надеюсь, что нет. Какой бы облик он ни принимал, одного он замаскировать не мог - своего поведения. Если бы он замаскировался под слона и начал проявлять любопытство, он был бы очень правдоподобным слоном, но слоном любопытным.

- К чему вы клоните? - спросил генерал с четырьмя звездами на погонах.

- Судя по его промахам, он только-только явился на Землю. Если бы он провел где-то еще хотя бы пару дней, в Нортвуде он вел бы себя совсем по-другому. Ведь большинство свидетелей подчеркивают, что он все время что-то выглядывал и высматривал. Он совершенно не знал обстановки. Он

держался как чужак, которому все в новинку. Если я прав, то Нортвуд был его первой остановкой. А это в свою очередь означает, что место осадки и, следовательно, место взлета должно находиться где-то поблизости. И скорее всего возле шоссе, где его подобрал Киммелмен.

Споры продолжались около получаса, а затем было принято решение, в результате которого развернулись поиски, которые возможны, только если за ними стоит вся государственная машина. Киммелмен проехал по шоссе пять миль и указал точное место, которое и стало исходной точкой всех операций.

Заправщиков на колонке Сигера допрашивали с величайшей тщательностью, но безрезультатно. Были найдены и допрошены шоферы, часто пользующиеся этим шоссе - местные жители, водители автобусов и грузовиков. Немногочисленные обитатели редконаселенных холмов - мелкие фермеры, бродяги, любители уединения и случайно оказавшиеся там люди были разысканы и подробно допрошены.

За четыре дня напряженной работы и бесконечных расспросов в круге диаметром в десять миль были обнаружены три человека, которые смутно припомнили, что вроде бы недели три назад они видели, как что-то упало с неба, а может, наоборот, и унеслось в него. Фермеру померещилось, что он видит вдали летающее блюдце, но он никому про это не сказал, опасаясь насмешек. Еще один фермер наблюдал странный свет над холмами, который тут же исчез, а шофер грузовика краешком глаза заметил неизвестный предмет, но, когда повернул голову, там уже ничего не было.

Каждый из троих показал место, где это произошло, и с помощью теодолита постарался поточнее установить, в какой точке неба он видел непонятное явление.

В результате на карте появился удлинённый треугольник площадью почти в квадратную милю. Теперь все внимание сосредоточилось на нем. Из его центра была описана окружность радиусом в две мили, после чего полицейские, помощники шерифов, национальная гвардия и многие другие принялись обыскивать местность внутри этой окружности фут за футом. Это была настоящая армия, вооруженная миноискателями и другими приборами, реагирующими на металлы.

За час до сумерек Райдер, Гаррисон и несколько высокопоставленных лиц услышали возбужденный крик и поспешили туда, где уже столпились все члены поисковой группы. Кто-то, подчиняясь тихому тиканью своего миноискателя, отвалил большой валун и увидел в яме под ним металлическую коробочку.

Коробочка была сделана из сизого металла. Длина ее равнялась двенадцати дюймам, ширина - десяти, а высота - восьми. В ее верхнюю грань было вделано шесть серебристых колец, по-видимому, служивших направленной антенной. Кроме того, на ней имелось четыре циферблата, установленных в разных позициях. И еще - небольшая кнопка.

Специалисты, уже готовые к такой находке, сразу принялись за работу. Они сняли коробочку на цветную пленку во всех ракурсах, измерили ее, взвесили, положили обратно в яму и опять прикрыли валуном.

На максимальной дистанции остались в засаде снайперы, снабженные ночными прицелами и скорострельными винтовками. Данные о внешнем виде передатчика были спешно отправлены в город, а между шоссе и тайником на земле были установлены микрофоны, провода которых вели туда, где снайперы ждали, не раздадутся ли во мраке крадущиеся шаги.

До рассвета в холмах заняли позицию и замаскировались четыре прожекторные команды и шесть зенитных батарей. Зброшенная ферма была использована под командный пост, а в амбаре расположилась радиолокационная установка.

Для всякого другого хватило бы засады с десятком дюжих полицейских. Но не для этого существа, которое могло явиться в любом, самом неожиданном виде, например епископом в полном облачении. Однако если он пойдет к передатчику и достанет его...

Через два дня из города пришла машина и забрала передатчик. На его место была положена точнейшая его копия, однако не способная ничего призвать с неба. Земляне тоже умели неплохо имитировать.

Но на кнопку настоящего передатчика никто нажимать не стал. Время для этого еще не пришло. До тех пор пока корабль остается на орбите, его загадочный пассажир будет тешиться обманчивым сознанием своей безопасности и рано или поздно угодит в расставленную для него ловушку.

Земля была готова терпеливо ждать. И ждала четыре месяца.

Банк на Лонг-Айленде лишился восемнадцати тысяч долларов. Метод был тот же самый - вошел, получил, ушел, исчез. Известный сенатор осмотрел бруклинские военно-морские верфи, одновременно присутствуя на конференции в Ньюпорт-Ньюсе. Управляющий обошел телевизионные студии, размещенные на шести этажах небоскреба, с двадцатого по двадцать пятый, все время оставаясь в своем кабинете на десятом этаже. Пришелец успел уже узнать так много, что наглед все больше.

Переснимались чертежи, вскрывались сейфы, обследовались лаборатории. Сталелитейные и военные заводы подверглись неторопливому и подробному осмотру. Начальник большого инструментального цеха сам водил по заводу самозванного гостя и давал ему необходимые объяснения.

Но даже у того, кто практически неуязвим, не все сходит гладко. Самый большой ум не гарантирует от ошибок. Хараша Вэнеш сделал большую глупость, когда в сомнительном баре достал из кармана плотную пачку крупных купюр. Его выследили до отеля. На следующий день, когда он вышел, за ним никто не следил, но, пока он вынюхивал очередные секреты Земли, в его номере произошла кража. Вернувшись, он обнаружил, что от денег, взятых в лонг-айлендском банке, не осталось ничего. Это означало перерыв в шпионаже: нужно было подоить третий банк.

И наконец он завершил свою работу. Обследовав одну из наиболее развитых областей этой планеты, он не считал нужным знакомиться с остальными. Все, что требовалось для целей андромедян, он уже узнал. Располагая собранной им информацией, гипнотисты империи, включающей двести планет, могли в любую минуту без всякого труда прибавить к ней еще одну.

Неподалеку от колонки Сигера он вылез из машины и вежливо поблагодарил автомобилиста, который никак не мог понять, с какой стати он сделал такой большой крюк ради совершенно незнакомого человека. Стоя у обочины, Вэнеш смотрел вслед машине. Она уносилась прочь на бешеной скорости, словно водитель был очень зол на себя.

Крепко держа чемоданчик, набитый заметками и набросками, он оглядел местность и увидел то же, что видел четыре с лишним месяца назад. Тем, кто находился в пределах его гипнотического воздействия, он представлялся дородным и несколько самодовольным коммерсантом, который лениво осматривал холмы. Те же, кто находился вне этих пределов, были слишком далеко, чтобы невооруженным глазом увидеть что-либо, кроме неясной фигуры, издали напоминающей человека.

Но те, кто смотрел в подозрительные трубы и бинокли с расстояния свыше мили, видели то, чем он был на самом деле. Существо не из этого мира. Нечто. Они могли бы сразу же его захватить. Но сочли это излишним: ведь все уже было давно готово к его приему.

Крепко прижимая к себе чемоданчик, он быстро пошел от шоссе прямо к тому месту, где был спрятан передатчик. Оставалось только нажать кнопку, вернуться в Нортвуд, заглянуть в какую-нибудь забегаловку, выспаться и вернуться сюда. Корабль, следуя по лучу передатчика, приземлится здесь, но это займет ровно восемнадцать часов двадцать минут.

Подойдя к валуну, Вэнеш в последний раз настороженно осмотрелся. Нигде ни души. Он откатил валун и почувствовал легкое облегчение, увидев, что его прибор лежит в яме - так, как он его и оставил. Нагнувшись, Вэнеш нажал на кнопку.

Из коробки с шипением вырвался одуряющий газ. Тут люди допустили ошибку. Они были убеждены, что он потеряет сознание по меньшей мере на сутки. Но ничего подобного не произошло. Его организм не был похож на человеческий, а потому он только закашлялся и кинулся бежать.

В шести ярдах от него из-за скалы выскочили четыре человека. Наведя на него винтовки, они крикнули, чтобы он остановился. Слева из-под земли

выскочили еще десятеро и закричали то же самое. Он ухмыльнулся, показывая им зубы, которых на самом деле у него не было.

Он не мог заставить их сунуть дуло себе в рот. Но зато с его помощью они могли изрешетить друг друга. Не замедляя бега, он метнулся в сторону, чтобы уйти от линии огня. Четверо справа услужливо подождали, пока он не оказался в безопасном месте, а затем начали палить в десятерых. Те в свою очередь принялись поливать их свинцом.

Вэнеш продолжал бежать изо всех сил. Он мог бы с удобством развалиться на скале и просто подождать, пока люди не перестреляют друг друга, - при условии, что вне зоны его гипнотического воздействия не скрывается еще засада с оружием дальнего действия. Но он не хотел рисковать.

Разумнее всего было следующее: как можно скорее покинуть опасное место, вновь выйти на шоссе, забрать первый же автомобиль и опять исчезнуть в гуще многомиллионного населения этой страны. О том, как подать сигнал кораблю, он подумает на досуге в безопасном месте. Задача не была неразрешимой - ведь в случае необходимости он может стать и здешним президентом.

Опасения Вэнеша были вполне оправданы: в полумиле от него прятался плотный толстяк по имени Хэнк, который не стерпел такого трусливого и наглого бегства с фронта гражданской войны. Вспыльчивый Хэнк лежал за тяжелым пулеметом. Видел он не то, что видели те, кто находился ближе к беглецу, и, не слыша команды "отставить!", Хэнк повернул свой пулемет, хмуро посмотрел в прорезь прицела и нажал спуск. Пулемет оглушительно затрещал, его лента задержалась и загремела.

Несмотря на расстояние, он точно попал в цель. Хараша Вэнеш опрокинулся на бок, дернулся и больше не встал. Его неподвижное тело продолжало сотрясаться от ударов все новых и новых пуль. Он был мертв.

Гаррисон поспешил к телефону, чтобы скорее сообщить новость Райдеру. Ему ответил О'Киф:

- Его тут нет. У него сегодня выходной день.
- А где я мог бы его найти?
- У него дома. Я дам вам номер. Он там пестует младенца.

Гаррисон позвонил по указанному номеру.

- Он... вернее, оно убито. Примерно час назад.
- Гм-м-м... Жаль! Надо было бы взять его живьем...
- Легче сказать, чем сделать! Да и как бы вы держали в заключении существо, которое могло бы заставить вас снять с него наручники и надеть их на себя?

- Над этим пусть ломают головы служба безопасности и полиция. А я работаю в министерстве финансов.

Положив трубку, Гаррисон хмуро уставился на стену. За стеной, в нескольких сотнях миль к югу, люди вышли на взлетную дорожку аэродрома, положили на бетон бурую коробочку и нажали кнопку, после чего начали ждать, наблюдая за небом.